

ДАНИЭЛА СТИЛ

Большей любви
не бывает

Даниэла Стил

Большей любви не бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122976

Даниэла Стил. *Большей любви не бывает*: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-33436-0

Оригинал: Danielle Steel, "No Greater Love"

Перевод:

А. Синодов

И. Бельская

Аннотация

Американская писательница Даниэла Стил, чьи книги миллионными тиражами издаются во многих странах, в романе «Большей любви не бывает» возвращает нас к событиям, которые в свое время потрясли весь мир.

Героиня романа в одну страшную ночь – ночь гибели «Титаника» – потеряла родителей и жениха и оказалась ответственной за судьбы пятерых младших братьев и сестер. Годы молодости она посвятила воспитанию детей, пытаясь дать им любовь и заботу, сделать счастливой их жизнь. Она не думала о собственном счастье и любви, но жизнь распорядилась по-своему...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	37
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил

Большой любви не бывает

Глава 1

10 апреля 1912 года

Тишину в столовой нарушало лишь тиканье больших резных часов на каминной полке да позвякивание столовых приборов. В огромной комнате, где за длинным столом сидели одиннадцать человек, было так холодно, что Эдвина едва шевелила озябшими пальцами. Она взглянула на сверкнувшее на солнце обручальное кольцо и улыбнулась родителям. Она заметила, как отец слегка улыбнулся, хотя вроде бы смотрел в тарелку. Эдвина была уверена, что под столом он сжимает мамину руку.

Когда родители были вместе, они вечно подшучивали друг над другом, о чем-то шептались, и их друзья любили повторять, что ничего нет удивительного в том, что у Уинфилдов шестеро детей.

В свои сорок один год Кэт Уинфилд выглядела все еще молодо. Она была гибкая, с тонкой талией и легкой походкой, и со спины, особенно на расстоянии, нелегко было отличить Кэт от ее старшей дочери, Эдвины, – тоже высокой и стройной, с блестящими черными волосами и большими голубыми глазами. Мать и дочь были очень близки между собой.

Уинфилды слыли удивительно дружным семейством и все в жизни делили поровну – радости и печали.

Эдвине было трудно сохранить серьезность, когда она взглянула на покрасневший нос брата Джорджа. Их дядя Руперт, лорд Хикэм, любил, чтобы в доме было почти так же холодно, как на Северном полюсе. Дети Уинфилдов чувствовали себя в этих ледяных чертогах неуютно. Они привыкли к своему дому в Америке, к его комфорту и к теплему калифорнийскому климату.

Месяц назад все семейство прибыло из Сан-Франциско, чтобы погостить у родственников, а заодно сообщить о помолвке Эдвины.

Казалось, их связь с Англией не прерывается. Сестра Кэт двадцать четыре года назад вышла замуж за лорда Руперта Хикэма и уехала в Англию, чтобы стать второй виконтессой, хозяйкой Хавермура Мэнора. Элизабет было двадцать один год, когда она встретила лорда Хикэма, приехавшего в Калифорнию с друзьями. Она влюбилась в немолодого виконта.

Теперь, спустя двадцать с лишним лет, ее племянникам и племянницам было довольно сложно понять, чем же он так привлек их тетю. Лорд Хикэм был холодным и резким, на редкость суровым человеком, казалось, он никогда не улыбался. Всем было ясно, что присутствие многочисленной родни в доме не доставляет ему ни малейшего удовольствия. Он не то чтобы не любил шумную молодежь с ее выходками и проказами, объясняла тетя Лиз, а просто не привык к ней, так как своих детей у них не было.

Именно поэтому, наверное, лорд Хикэм разозлился, когда Джордж бросил пару головастиков в его пиво, пока они со старшим Уинфилдом, отцом Джорджа, были на охоте.

Много лет назад Руперт подумывал о наследнике, которому он бы оставил Хавермур Мэнор и другое имущество. Но после того как у его первой жены случилось несколько выкидышей, а рождение на свет очередного бездыханного младенца стоило бедняжке жизни, лорд Хикэм смирился со своим одиночеством и семнадцать лет прожил вдовцом.

Женившись на молодой американке, он вновь обрел надежду на появление потомства, но Лиз не оправдала его ожиданий. Правда, ему не хотелось иметь детей столько, сколько их было у Кэт и Бертрама, и, разумеется, не таких горластых и нахальных. Это совершенное

безобразия, уверял он жену, что этим детям все сходит с рук. Впрочем, что возьмешь с американцев?! Никакого чувства собственного достоинства, ни воспитания, ни образования, ни дисциплины. Он с большим облегчением воспринял сообщение о том, что Эдвина выходит за молодого Чарльза Фицджеральда. «Может, хоть теперь-то эта девица из семейства Уинфилдов угомонится», – сказал он жене.

Лорду Хикэму было семьдесят, и он не особенно обрадовался, когда Лиз пригласила Уинфилдов к себе. Американские родственники собирались в Лондон, чтобы встретиться с Фицджеральдами и объявить о помолвке, но Руперт совершенно не желал их видеть в Хавермуре.

– Что, они приедут всем выводком? – с ужасом спросил Руперт, когда Лиз осторожно сообщила ему эту новость.

Это было под Рождество, а Уинфилды хотели приехать в марте. Лиз надеялась, что к тому времени Руперт свыкнется с мыслью об их приезде. Сама она давно мечтала о встрече с сестрой и надеялась, что приезд дружного большого семейства скрасит ее унылые дни.

За двадцать четыре года жизни с Рупертом она успела возненавидеть Хавермур и скупала по сестре, вспоминая счастливые годы, проведенные с нею в Калифорнии.

С Рупертом, который был на четверть века старше Элизабет, было трудно ладить, вовсе не о такой семейной жизни она мечтала перед замужеством. Поначалу на нее производили впечатление его величавые манеры, его титул, безукоризненная вежливость в обращении и его рассказы о «культурной жизни», которую они будут вести в Англии.

Но когда Лиз приехала в Хавермур, она с ужасом обнаружила там унылое запустение и жуткий беспорядок. В то время Руперт имел еще один дом в Лондоне. Однако лорд Хикэм не любил шумную столицу, и через четыре года, так ни разу и не переступив порог лондонского дома, Руперт продал его своему другу. Лиз казалось, что, если бы у них были дети, все было бы иначе, и она страстно желала иметь большую семью и услышать звонкие детские голоса и веселый смех в этих мрачных стенах.

Но шло время, и с каждым годом надежды Лиз стать матерью таяли, и она жила только радостью видеть детишек Кэт во время редких поездок в Сан-Франциско.

Вскоре и в этих маленьких радостях ей было отказано, так как Руперт стал с трудом переносить утомительные путешествия и в конце концов объявил, что он для этого слишком стар. Ревматизм, подагра, да и вообще возраст превратили его в домоседа, и, поскольку он требовал, чтобы жена денно и нощно о нем заботилась, Лиз вынуждена была безвылазно сидеть в Хавермуре. Гораздо чаще, чем она желала бы признать, Лиз мечтала уехать в Сан-Франциско, но в течение многих лет у нее не было возможности осуществить эту мечту. Потом ей так хотелось, чтобы Кэт с мужем и детьми приехала погостить в Англию, и она была страшно благодарна Руперту, когда тот наконец сказал, что они могут остановиться в Хавермуре, но желательно, чтобы визит американских родственников не затянулся.

После стольких лет разлуки Лиз была совершенно счастлива. Лиз приятно поразило то, что Кэт так молодо выглядит и красота ее сохранилась и что она по-прежнему влюблена в Берта. Лиз не однажды раскаивалась, что вышла замуж за Руперта. Она часто думала, как бы у нее сложилась жизнь, если бы она вышла замуж за другого мужчину и осталась в Америке.

Молоденькими девушками они с Кэт были такими беззаботными, такими счастливыми, живя в доме с любящими родителями. В восемнадцать лет их обеих стали вывозить в свет, и они наслаждались жизнью, разъезжая по балам и званым обедам.

Но веселье и развлечения продолжались недолго – слишком скоро появился Руперт, Лиз сделала свой выбор и уехала с ним в Хавермур. И почему-то, хотя она прожила в Англии больше чем полжизни, Лиз никогда не чувствовала себя здесь дома. Ей не удалось изменить порядки, которые установил в Хавермуре Руперт. Она чувствовала себя в нем гостьей,

гостьей без всякого влияния и даже не слишком желанной. А поскольку еще и не было детей, не было наследника, самое ее присутствие здесь, казалось, теряло всякий смысл.

Жизнь Элизабет была абсолютно не похожа на жизнь ее сестры. Сможет ли Кэт понять это? У нее статный темноволосый муж, с которым она счастливо прожила двадцать два года, и шесть красивых детей. В семье Уинфилд было трое сыновей и три дочери – веселых, здоровых, унаследовавших от родителей ум, красоту и чувство юмора. И что странно: хотя казалось, что Кэт и Берт уж слишком обласканы судьбой, любой, кто их знал, был абсолютно уверен, что они этого заслуживают. И сама Лиз по-хорошему завидовала сестре. В случае с Уинфилдами судьба была справедливой. Кэт с Бертом – хорошие, добрые и благородные люди, и такие прекрасные дети были им достойной наградой. Глядя на счастливое семейство сестры, Лиз сожалела о том, что ей не суждено познать радости материнства и таких теплых отношений, какие царили между Кэт и ее мужем.

Годы жизни с Рупертом сильно изменили Лиз, она стала замкнутой, неуверенной в себе, и Руперт никогда особенно не интересовался ее мнением. Его внимание было поглощено поместьями, утками, куропатками и фазанами, лошадьми и собаками, когда он был помоложе и страстно увлекался охотой. Жена и раньше мало что для него значила, а теперь, когда он все время страдал от подагры, она могла подать ему вина, позвать слуг, помочь ему улечься поудобнее, но не больше того. Их спальни находились в разных концах дома уже много лет, с тех пор как Руперт понял, что ему не дожидаться детей. Супруги жили как чужие, испытывая только чувство сожаления да холод одиночества. Приезд Уинфилдов был для Лиз лучом света, прорвавшимся сквозь темные ставни, глотком свежего воздуха калифорнийской весны.

Вдруг на дальнем конце стола кто-то икнул, и послышалось приглушенное хихиканье.

Лиз и Кэт сидели за столом по обе стороны от лорда Руперта. Он, казалось, ничего не заметил. Женщины с улыбкой переглянулись. С момента приезда сестры Лиз будто помолодела лет на десять. У нее всегда поднималось настроение при виде Кэт, Берта, племянников и племянниц.

Однако Кэт было ужасно тяжело обнаружить, как постарела сестра, как одиноко ей живет в этой мрачной дыре, в ненавистном доме, с мужем, который ее не любит и, скорее всего, никогда не любил. И теперь ей было больно думать о предстоящей разлуке с Элизабет. Меньше чем через час они уедут, и только богу известно, что ждет их всех впереди и когда они приедут снова в Англию. Кэт приглашала сестру в Сан-Франциско, чтобы она помогла в приготовлениях к свадьбе Эдвины, но Лиз сказала, что не сможет оставить Руперта надолго одного, и обещала приехать в августе к началу торжества.

Хихиканье на другом конце стола отвлекло Кэт от грустных мыслей, она взглянула на шестилетнюю Алексис. Джордж что-то шептал сестренке, а та давилась от смеха.

– Ш-ш-ш, – успокаивающе прошептала Кэт и, улыбнувшись, посмотрела на Руперта.

У них дома за завтраком обычно бывало шумно, но здесь дети должны были вести себя тихо, и они очень старались соблюдать все установленные Рупертом правила.

Кэт отметила про себя, что лорд Хикэм с годами стал мягче и терпимее. Он часто брал с собой на охоту шестнадцатилетнего Филипа, и хоть Филип и признавался отцу, что терпеть не может это занятие, однако был очень вежлив с дядей и благодарил за то, что он приглашает его с собой. Филип всегда хотел всем угодить, он был добрым, воспитанным и поразительно чутким подростком. Невозможно было поверить, что ему всего шестнадцать лет: Филип был самым ответственным из всех детей Уинфилдов.

Кроме, конечно, Эдвины, но ей исполнилось двадцать лет, она уже совсем взрослая, и через пять месяцев у нее будут муж и собственный дом. А еще через год, как она надеялась, и ребенок. Кэт все не могла привыкнуть к мысли, что ее старшая дочь такая взрослая и что скоро она выйдет замуж и, возможно, тоже станет матерью.

Они собирались домой, чтобы начать приготовления к свадьбе, и Чарльз тоже возвращался в Штаты вместе с ними. Ему было двадцать пять лет, и он был по уши влюблен в Эдвину. Чарльз встретил ее случайно в Сан-Франциско и ухаживал за ней с прошлого лета.

Свадьбу собирались играть в августе. Уинфилды везли с собой отрез чудесной светлой материи, купленной в Лондоне Эдвине на подвенечное платье. Кэт хотела, чтобы портной расшил ее маленькими жемчужинками, а фату делала французская модистка, недавно переехавшая в Лондон из Парижа. Леди Фицджеральд собиралась привезти ее с собой в конце июля, когда семья жениха прибудет в Сан-Франциско.

А тем временем предстояло сделать еще кучу дел. Бертрам Уинфилд был одним из самых видных людей в Калифорнии. Ему и его семье принадлежала чуть ли не самая авторитетная газета Сан-Франциско, и на свадьбу надо было пригласить множество людей. Кэт и Эдвина уже месяц составляли список, в котором набралось более пятисот человек. Но Чарльз только смеялся, когда Эдвина грозилась, что гостей будет еще больше.

– В Лондоне все равно было бы больше, – говорил он. – На свадьбе моей сестры два года назад присутствовало семьсот человек. Слава богу, я в это время был в Дели.

Чарльз много путешествовал последние четыре года. Прослужив около двух лет в Индии, он целый год провел в путешествиях по Кении, и Эдвина любила слушать рассказы о его приключениях. Она высказала желание провести медовый месяц в Африке, но Чарльз в данном случае отдавал предпочтение более цивилизованным местам в Италии и Франции, а в Лондон планировал вернуться к Рождеству.

Эдвина втайне надеялась, что к тому времени уже будет беременна. Она безумно любила Чарльза и хотела, чтобы у них была такая же большая семья, как у ее родителей, и такие же чудесные отношения, как у них. Не то чтобы родители совсем не ссорились – бывало, да еще как: люстры дрожали, когда мама выходила из себя, но за гневом всегда следовало примирение. Нежность, и прощение, и сочувствие, и, что бы ни случилось, все всегда знали: любви Кэт и Бертрама ничто не угрожает. Эдвина хотела, чтобы и они с Чарльзом жили так же. Ее не привлекали титулы, положение в обществе, большое поместье. Ничего из того, что так глупо толкнуло тетю Лиз к дяде Руперту. Эдвина мечтала о человеке добром, чутком, остроумном и великодушном, с которым она могла бы делить все радости и тяготы жизни, жить в счастливой праздности или трудиться, если потребуется. Конечно, пока они жили беззаботно: Чарльз занимался спортом, много общался с друзьями и не имел нужды зарабатывать себе на жизнь. Но у него были большие планы, и она с гордостью думала о том времени, когда он должен будет занять место отца в палате лордов.

Как и Эдвина, Чарльз хотел бы иметь много детей – по крайней мере шестерых. У ее родителей их было семеро, правда, один умер, едва родившись. В семье Уинфилд самым старшим из мальчиков был Филип, и все, чем он занимался, Филип выполнял с особой серьезностью.

Это, конечно, во многом облегчало жизнь двенадцатилетнему Джорджу, который считал, что его единственная обязанность – всех радовать и забавлять. Он непрерывно дразнил Алексис и малышей и был неистощим на всевозможные выдумки и проказы: связывал простыни в кровати Филипа или подкидывал безвредных змеек в его ботинки, запихивал в самые неожиданные места пару-другую мышей, а то бросал перец в кофе – просто для поднятия настроения с утра.

Филип был уверен, что Джордж пришел в этот мир, чтобы осложнять его жизнь и расстраивать любовные дела: во время редких и робких попыток его общения с противоположным полом непременно откуда-то возникал Джордж, готовый дать старшему брату квалифицированный совет. Джордж никогда не смущался в окружении девиц – да и вообще нигде. Даже на корабле, который вот-вот собирался отчалить, Кэт и Бертрам на каждом шагу натывались на приветствия знакомых их среднего сына... «О, вы родители Джорджа!» И

Кэт внутренне сжималась, думая, что он еще натворил такого, а Бертрама только забавляли веселые проделки мальчишки.

Самой застенчивой была их малышка Алексис, с огромными голубыми глазами и копной светлых волос. У всех остальных детей были темные волосы и синие глаза, как у Кэт и Берта, а Алексис же так и светилась, ее волосы на солнце казались почти серебристыми. Можно было подумать, что ангелы наделили Джорджа озорством и неиссякаемой фантазией, а Алексис – необычной внешностью и изяществом. Куда бы она ни приходила, все обращали на нее внимание и удивлялись, какая она хорошенькая. Алексис была маминной «малышкой» и папиной «дочуркой» и обычно только с ними и общалась, счастливо проводя дни в кругу семьи. Очень тихая и неразговорчивая, она могла часами гулять в саду и плести венки для обожаемой мамы.

Ее родители были всем для нее, хотя и Эдвину Алексис тоже очень любила. Эдвина – не то что четырехлетняя Фрэнсис, Фанни, как все звали ее, с кругленькими щечками, пухленькими ручонками и крепкими ножками, чья улыбка могла растопить любое сердце, особенно отцовское. У нее, как и у Эдвины, были голубые глаза и блестящие черные волосы. Фанни была поразительно похожа на отца и лицом, и добрым характером, она всегда улыбалась и всем была довольна, как и карапуз Тедди, которому было два годика. Он только-только стал говорить и начал познавать мир, с любопытством оглядываясь по сторонам широко раскрытыми, словно удивленными глазенками. Он любил убежать и заставлять Уну ловить его. Это была его няня, милая ирландская девушка, покинувшая родину в четырнадцать лет. Кэт считала, что им очень повезло с няней, и благодарила судьбу, которая свела их случайно в Сан-Франциско. В свои восемнадцать лет Уна умело управлялась с детьми, она даже укоряла Кэт, что та слишком балует маленького Тедди, и Кэт со смехом соглашалась: время от времени она всем им потакала, потому что ужасно их любила.

Что больше всего поражало саму Кэт, так это то, какими разными были ее дети – каждый со своим характером и особенностями. Различны были их взгляды, стремления, даже отношение друг к другу... от пугливой застенчивости Алексис, основательности Филипа до абсолютного отсутствия всего этого в Джордже. Кэт с нежностью подумала об Эдвине, всегда такой доброй и чуткой, думающей обо всех, кроме себя. Теперь Кэт отрадно было видеть, как Эдвина влюблена в Чарльза. Она заслужила счастье. Много лет она была маминной правой рукой, и вот пришло время и ей стать хозяйкой в собственном доме.

Радость Кэт была омрачена тем, что Эдвина должна жить с мужем в Англии. Уже второй раз в ее жизни дорогой человек уплывал к чужим берегам. Оставалось только надеяться, что жизнь ее дочери сложится счастливее, чем у Лиз, ведь Чарльз, слава богу, совсем не похож на Руперта. Чарльз был привлекательным, умным и добрым, и Кэт надеялась, что он станет чудесным мужем для ее Эдвины.

Они договорились встретиться с Чарльзом утром в порту в Саутгемптоне. Он напросился с ними в Штаты отчасти потому, что не мог даже думать о разлуке с Эдвиной на целых четыре месяца, и еще потому, что Берт предложил считать это плавание как бы свадебным подарком. Они поплывут на новом корабле в его первый рейс.

Все были страшно возбуждены предстоящим путешествием.

А пока они все еще сидели в столовой Хавермура Мэнора, и Алексис начала громко смеяться, когда Джордж ей что-то шепнул и выдохнул облачко пара в холодный воздух. Бертрам тоже засмеялся вслед за детьми, но тут наконец Руперт встал из-за стола, что послужило сигналом об окончании обеда.

Старший Уинфилд обошел стол, чтобы на прощание пожать руку хозяину дома. Было видно, что Руперту жаль расставаться с ним. Ему нравился Берт, он привык и к Кэт, хотя к их шумным, дурно воспитанным детям относился, мягко говоря, сдержанно.

– Спасибо за гостеприимство. Мы чудесно провели у вас время, Руперт. Приезжайте теперь к нам в Сан-Франциско, – сказал Бертрам.

– Боюсь, это мне не по силам.

Было решено, что Лиз отправится в Сан-Франциско вместе с родителями Чарльза. И она не могла дожидаться этого дня и радовалась, что Руперт отпустил ее. Она уже купила себе к этому случаю платье, выбрав его вместе с Кэт и Эдвиной.

– Но все же, если сможете, приезжайте.

Мужчины опять пожали друг другу руки. Руперт, казалось, серьезно расстроился по поводу отъезда гостей.

– Непременно напишите и подробно расскажите про корабль. Это, должно быть, нечто грандиозное.

На мгновение Руперт даже позавидовал им. Однако Лиз в данном случае не была солидарна с мужем: ее тошнило от одной мысли о любом пароходе, и воспоминание о волнах, ветрах и качке портило ее мечты о предстоящем путешествии.

– Ты напишешь об этом плавании статью в свою газету? – спросила она Бертрама.

Берт лишь улыбнулся в ответ: он почти ничего не писал для собственной газеты, кроме тех редких статей на сильно взволновавшие его темы, когда уже не мог сдержаться. Но, помолчав немного, он все-таки признался: может, и напишет.

– Тогда я пришлю вам экземпляр, – пообещал он.

Руперт обнял Берта за плечи и проводил до дверей, пока Эвина и Кэт собирали младших детей и умывали их перед дорогой.

Занималось утро, солнце только что взошло, и Уинфилдов ожидала трехчасовая поездка до порта. Они должны были разместиться в трех машинах, прихватив с собой лишь ручную кладь. Весь остальной багаж был отправлен накануне в Саутгемптон и уже дожидался хозяев в каютах.

Дети быстро забрались в машины: Эвина, Филип и Джордж, который требовал посадить его непременно рядом с шофером, – в первую, Уна с маленьким Тедди ехали в другой. Кэт с Бертрамом и Алексис расположились в собственном автомобиле Руперта – «Серебряном призраке».

Лиз вызвалась было поехать с ними, но Кэт отговорила ее: очень уж долгая дорога и слишком грустное возвращение домой в пустой машине. Они ведь расстанутся ненадолго и увидятся через четыре месяца.

Женщины обнялись, и Лиз долго не отпускала сестру, сама не зная, почему ее сердце сжимается от необъяснимой тревоги.

– Ну, всего вам хорошего... Я буду страшно скучать...

Лиз было тяжело оттого, что сестра уезжает, ей казалось: еще одного расставания она просто не вынесет. Лиз снова обняла Кэт, и та засмеялась, поправляя элегантную шляпку, купленную ей Бертом в Лондоне.

– Не успеешь оглянуться, как наступит август, Лиз, – нежно прошептала Кэт сестре, – и ты опять будешь дома.

Она поцеловала Лиз, а потом легонько оттолкнула и посмотрела на нее, жалея, что сестра выглядит такой расстроенной. Из-за этого она опять вспомнила, что Эвина уедет в Англию после свадьбы, и оставалось только молиться, чтобы жизнь дочери сложилась счастливее, чем у сестры.

Руперт тем временем давал указания шоферам и торопил их ехать, чтобы не опоздать на корабль.

– Он ведь отходит днем, да? – спросил он у Берта, вынимая из кармана часы.

Кэт в последний раз обняла Лиз и забралась в машину, посадив рядом Алексис.

– Да. У нас достаточно времени.

Было полвосьмого утра десятого апреля.

– Счастливого плавания! Всего хорошего! – Руперт и Лиз замахали им на прощание.

Тронулась первая машина, потом вторая и, наконец, третья. Кэт с Алексис на коленях помахала им из окошка, широко улыбаясь, и Бертрам, обнимавший ее за плечи, тоже.

– Я люблю вас! – крикнула Лиз вдогонку. – Я вас всех люблю...

Слова растаяли в воздухе. Лиз вытерла слезы, не понимая, почему ей так тревожно. Они ведь увидятся в августе в Сан-Франциско. Она улыбнулась про себя, входя с Рупертом в дом.

Он тут же заперся в библиотеке, как это обычно бывало по утрам, а Лиз вернулась в столовую, окинула взглядом пустые стулья, пустые тарелки, и ужасное чувство одиночества вновь охватило ее. Только что они тут сидели, комнату заполняли их голоса, а теперь вокруг снова стало пусто и она опять одна.

Глава 2

Машина с Кэт и Бертрамом, приехавшая в порт раньше других, подрулила к причалу для пассажиров первого класса. Джордж во втором автомобиле нетерпеливо ерзал на сиденье, и Эдвина уговаривала брата сидеть спокойно, пока он не свел с ума ее и Филипа.

– Посмотри, посмотри на них, Эдвина!

Джордж показывал на четыре огромные паровые трубы, а Филип пытался охладить его пыл. В отличие от своего восхищенного брата Филип довольно много прочитал о корабле, когда узнал, что это будет его первый рейс.

У судна, на котором им предстояло плыть в Америку, был почти близнец «Олимпик», уже год совершающий плавания, но этот лайнер был действительно самым огромным на свете. «Титаник» раза в полтора превосходил любой пароход, и Джордж был совершенно потрясен его видом. Газета отца назвала «Титаник» чудо-кораблем, а на Уолл-стрит его называли не иначе, как «пароходом миллионеров».

Совершить на нем первый рейс было чрезвычайно престижно. Берт Уинфилд заказал пять из двадцати восьми специальных кают на палубе Б, которые тоже выгодно отличали «Титаник» от других пассажирских судов. Каюты были украшены подлинными предметами старины из Дании, Франции и Англии, а вместо иллюминаторов в них были настоящие окна. Компания «Уайт стар» превзошла самое себя.

Каюты семейства Уинфилдов располагались так, что казались скорее едиными роскошными апартаментами, чем просто смежными комнатами.

Джорджа решили поместить в одну каюту с Филипом, Эдвину – с Алексис, Уну – с двумя малышами, Фанни и Тедди, а самую большую каюту заняли Кэт с Бертрамом. К ним примыкала каюта их будущего зятя.

Поездка обещала быть веселой, и Джорджу не терпелось побыстрее взойти на корабль. Он пулей вылетел из машины и понесся к трапу. Но брат успел его перехватить и, взяв за руку, оттащил обратно к Эдвине, помогавшей матери управиться с ручной кладью.

– Куда это вы так торопитесь, юноша? – протянул Филип, подражая отцу, и Джордж в раздражении взглянул на него.

– Ты стал говорить, как дядя Руперт.

– Неважно. Ты будешь тихо стоять на месте, пока папа не разрешит тебе идти.

Он взглянул через плечо Эдвины и увидел Алексис, вцепившуюся в мамины юбки, и няню, которая сражалась с ревущей малышкой.

– Пойди помоги там с Тедди. Уна с мамой разбирают вещи.

Их отец в это время отправлял назад шоферов. Джорджу нравилась вся эта суеда, потому что в таком хаосе он мог спокойно смыться и заняться своими делами.

– Это обязательно? – Его не особо вдохновляла перспектива возиться с младшим братом, когда кругом столько всего интересного.

Огромный «Титаник» стоял прямо перед ними, и Джорджу страшно хотелось поскорее на него забраться и обследовать все уголки, поэтому он не желал терять напрасно время.

– Да, ты должен помочь, – грозно нахмурился Филип, подталкивая Джорджа к детям.

Сам он собирался присоединиться к отцу. Краем глаза он заметил, как Эдвина ласково успокаивает плачущую Алексис.

Эдвина, в элегантном голубом шерстяном костюме, который она сшила к первой встрече с родителями Чарльза, присела на корточки рядом с Алексис.

– Чего ты испугалась? Посмотри, не будь глупышкой. – Эдвина показала сестренке на гигантский пароход: – Он похож на плавучий город, и через несколько дней мы будем в Нью-Йорке, а потом на поезде доберемся в Сан-Франциско.

Эдвина пыталась изобразить поездку как забавное приключение, но Алексис смертельно боялась колыхающейся на волнах громады и прятала лицо в юбку матери, отталкивая Эдвину.

– Что такое? – Кэт посмотрела на старшую дочь, пытаясь разобраться, что там стряслось.

Рядом на мостике играл оркестр. Играли не слишком громко, так как «Уайт стар», видимо, решила, что слишком много шума – это вульгарно.

– Что случилось? – Кэт погладила Алексис по головке.

– Она перепугалась, – объяснила Эдвина, и Кэт понимающе кивнула.

Бедная малышка Алексис вечно пугалась новых событий, новых людей, новых мест, и на «Мавритании» она боялась плыть и все время спрашивала маму, что будет, если она свалится в воду.

Кэт затянутой в перчатку рукой пригладила ее золотистые кудряшки, наклонилась и зашептала ей что-то на ухо. Алексис заулыбалась, когда мама напомнила, что через пять дней будет день ее рождения. Ей исполнится шесть лет, и они сначала устроят праздник на корабле, а потом еще один в Сан-Франциско.

– Хорошо? – шепнула она испуганной девчужке, но Алексис замотала головой и опять принялась плакать, прижимаясь к матери.

– Я не хочу ехать...

Однако прежде чем Алексис успела что-либо добавить, чьи-то сильные руки осторожно ее приподняли, и она очутилась на плечах у отца.

– Но придется поехать, моя хорошая. Ты же не захочешь остаться в Англии без нас, да? Конечно, нет, глупышка. Мы все поплывем домой на этом чудесном корабле. А знаешь, кого я только что видел? Маленькую девочку, твою ровесницу, и я ручаюсь, что вы скоро подружитесь. А теперь давай поднимемся на палубу и посмотрим наши каюты, ладно?

Отец понес ее на плечах, и она перестала плакать, с интересом глядя сверху на суету вокруг. Берт взял за руку жену, дети с Уной последовали за ними, и вскоре вся семья поднялась по трапу на борт «Титаника». На палубе отец опустил Алексис, которая тут же вцепилась в его руку, и они пошли по главной лестнице на верхнюю палубу, с любопытством осматривая все вокруг.

Другие пассажиры тоже не торопились уединиться в своих каютах, разглядывая изысканное оформление, красивые резные деревянные панели, затейливые люстры, драпировки, пять роскошных роялей. Даже Алексис притихла, пока они гуляли по пароходу, перед тем как пройти к своим каютам.

– Потрясающе, да? – воскликнул Берт, и Кэт улыбнулась в ответ.

Ей так хотелось во время этого плавания уделить мужу как можно больше времени. Все выглядело здесь уютно и безопасно и в то же время романтично. Здорово плыть меж двух миров со всеми удобствами и в такой обстановке. Она собиралась попросить Уну взять на себя заботу о детях, а сама решила все время посвятить мужу.

Берт пришел в восторг, когда увидел спортзал, заглянул в курительную, но Кэт усмехнулась и погрозила ему пальцем.

– Нет уж! В этом путешествии я не отойду от тебя ни на шаг. – Она прижалась к нему на миг, и он улыбнулся.

– Значит, Чарльз и Эдвина не единственные влюбленные здесь? – прошептал он жене, все еще державшей за руку Алексис.

– Надеюсь. – Кэт многозначительно улыбнулась и нежно коснулась кончиками пальцев его щеки. – Ну, дети, что скажете, если мы сейчас пройдем в каюты, осмотримся там, распакуем самое необходимое, а потом уж – на прогулку по кораблю?

– Па, а сейчас нельзя? – заныл Джордж.

Он уже сгорал от нетерпения, но Берт велел сначала устроить малышей, и только после этого они пойдут с Джорджем на поиски приключений. Однако искушение было слишком велико, и, прежде чем все дошли до палубы Б, двумя этажами ниже спортзала, Джордж испарился.

Кэт стала волноваться, куда это он делся, и хотела послать Филипа на поиски брата.

– Да бог с ним, Кэт. Далеко не убежит. Если только он не сойдет с корабля, все будет в порядке, а он ни за что не покинет судно: здесь слишком много интересного. Когда мы все устроимся, пойду поищу его, – пообещал Берт.

Кэт нехотя согласилась с мужем, но беспокойство за Джорджа не покидало ее. Однако когда они увидели чудесные каюты, заказанные Бертом, все тревоги отступили на задний план.

Вскоре к ним присоединился Чарльз.

– Вы уже здесь? – с улыбкой осведомился он.

Его голубые глаза засияли, когда он увидел свою невесту. Эдвина стремительно вскочила, в мгновение ока пронеслась через просторную каюту, которую облюбовали себе Берт и Кэт.

– Чарльз! – Эдвина раскраснелась от радости и едва сдерживалась, чтобы не броситься в объятия жениху.

Алексис и Фанни захихикали.

– Эй вы, что тут смешного?

Чарльз любил возиться с двумя девчушками, а Тедди он считал самым лучшим малышом на свете. С Филипом они были добрыми друзьями, и даже неукротимый Джордж не раздражал его. Это была замечательная семья, и он благодарил господу, что встретил Эдвину.

– Вы уже видели собак? – спросил он девочек.

Фанни отрицательно помотала головой, а Алексис насторожилась.

– Мы к ним ходим днем, когда вы поспите.

– А где они? – озабоченно поинтересовалась Алексис.

– В клетках внизу, они надежно заперты, – успокоила ее Эдвина. Если бы Алексис думала, что может наткнуться на собаку, разгуливающую по палубе, она бы не вышла из каюты до конца плавания.

Эдвина отправила детей к Уне, а сама прошла с Чарльзом в его каюту. Здесь, вдали от наблюдательных детских глаз, он прижал к себе Эдвину и нежно поцеловал в губы. Эдвина забыла обо всем на свете, замерев в его крепких объятиях. В такие моменты, как сейчас, она удивлялась, как же они дождутся августа. Но между ними существовало безмолвное соглашение не переходить границу дозволенного и не обмануть доверия родителей. Хотя сдерживаться до середины августа будет невероятно трудно.

– Не хотите ли прогуляться, мисс Уинфилд? – церемонно произнес Чарльз и улыбнулся невесте.

– С удовольствием, мистер Фицджеральд.

Они вышли на палубу. Чарльз был так счастлив находиться рядом с Эдвиной, что мало обращал внимания на окружающую роскошь. Они не виделись всего несколько дней, но для них и час разлуки казался вечностью, и Эдвина радовалась, что он плывет в Сан-Франциско вместе с ними. Было бы невыносимо скучно совершать это путешествие, если бы рядом не было Чарльза.

– Я жутко скучала по тебе, – прошептала она, когда они поднимались на прогулочную палубу.

– И я тоже, любовь моя. Но скоро мы никогда больше не будем разлучаться.

Эдвина согласно кивнула и сжала его руку. Они прошли мимо французского кафе и услышали быстрый говорок французов-официантов, с восхищением взиравших на Эдвину.

Многие пассажиры первого класса заинтересовались маленьким бистро как еще одним уютным местом, каких было так много на «Титанике».

Они дошли до застекленной части прогулочной палубы, которая была защищена от ветра и позволяла любоваться бескрайними морскими просторами.

– У меня такое чувство, любимая, что на этом пароходе найдется немало укромных уголков для нас. – Чарльз улыбнулся, крепче сжал ее руку, и Эдвина засмеялась его словам.

– И для Джорджа тоже. Он уже исчез по дороге к каютам. Этот мальчишка неисправим, – начала сердито Эдвина.

– Ну, Джордж просто не может управлять своей энергией и фантазией, – стал защищать его Чарльз, и Эдвина не могла не согласиться с ним, хотя иногда ей хотелось задушить брата собственными руками.

– Надеюсь на это. Поразительно, как они непохожи с Филипом. Филип никогда не сделал бы ничего подобного.

– И я, к сожалению, бы тоже. Может, поэтому я им так и восхищаюсь. Я хотел бы быть таким. Зато Джордж никогда не будет жалеть об упущенных возможностях. Я уверен, что он сделал все, что мог.

Чарльз засмеялся. И Эдвина тоже не могла удержаться от улыбки. Чарльз обнял ее за плечи, и они стали смотреть, как огромный корабль отходит от причала. Она молила бога, чтобы отец оказался прав и Джордж не покинул пароход во время своих изысканий. Все же, как и отец, она не сомневалась, что он здесь: уж слишком много любопытного на «Титанике», чтобы с него убежать.

Они смотрели вниз на многочисленных провожающих, как раздавшиеся вдруг пронзительные гудки заставили их вздрогнуть.

На палубе царило возбуждение, и Чарльз снова сжал ее в объятиях и нежно целовал, пока не смолк рев гудка.

С помощью шести буксиров пароход вошел в пролив, беря курс на Шербур, где на борт предстояло принять еще одну партию пассажиров. Следующим портом, где должен был бросить якорь «Титаник», был Квинстон, а там и конечный пункт путешествия – Нью-Йорк.

Собравшиеся на верхней палубе пассажиры с изумлением смотрели, как огромный корабль проплывает мимо американского и британского лайнеров, стоящих на приколе из-за недавней забастовки угольщиков. Американский пароход «Нью-Йорк» был пришвартован к «Океанику», принадлежавшему компании «Уайт стар», и два парохода терлись боками друг о друга, оставляя узенький проход для «Титаника».

Вдруг раздался сухой щелчок, похожий на выстрел: трос, приковывавший «Нью-Йорк» к «Океанику», лопнул, и «Нью-Йорк» стал медленно приближаться к «Титанику», будто хотел его протаранить. Быстро маневрируя, один из буксиров, вытянувших «Титаник» из гавани, передал трос на «Нью-Йорк», и матросы успели предотвратить столкновение. «Нью-Йорк» отбуксировали на место, и «Титаник» мог продолжать свой путь на Шербур.

Сцена была впечатляющая – ведь «Титанику» едва не пропороли бок, и все обошлось только благодаря умелым действиям моряков. Пассажирам даже показалось, что они присутствовали на показательной демонстрации морского мастерства. «Титаник» был надежным судном, но пароходу длиной в четыре городских квартала, или 882 фута, как им сообщил Филип, маневрировать было непросто.

– С таким опытным экипажем нас ждет спокойное плавание, – сказала Эдвина, зачарованная зрелищем, и ее жених кивнул.

– Думаю, да. Может, зайдём выпьем по бокалу шампанского, отметим наше благополучное отплытие?

Эдвина с удовольствием приняла приглашение, и они пошли назад к кафе, где столкнулись с запыхавшимся и взъерошенным Джорджем.

– Что ты здесь делаешь, сестрица? – без тени смущения поинтересовался он. В кепке набекрень, вылезшей из штанов рубашке и с грязными коленками он выглядел возбужденным и счастливым.

– Это я должна тебя спросить. Мама тебя везде искала. Где ты болтался? – сердито спросила Эдвина.

Джордж посмотрел на нее как на ненормальную, а потом, пустив в ход все свое обаяние, обратился к Чарльзу:

– Привет, Чарльз. Как дела?

– Отлично, спасибо, Джордж. Ну, как тебе корабль? Впечатляет? Ты доволен?

– Потрясающе! Ты знаешь, тут четыре лифта, которые ходят до девятого этажа. Тут еще есть корт для сквоша, и бассейн, и новенький «Рено», который везут в Нью-Йорк, и на кухне какие-то совершенно фантастические приборы. Я еще не был в третьем классе, но во втором мне понравилось, и там есть одна симпатичная девочка, – выпалил он.

Чарльз, похоже, находил все это очень занятным, но Эдвина ужасалась поведению своего брата, которого даже несколько не смущал его растрепанный вид.

– Я бы сказал, ты хорошо все обследовал. Неплохая работа, – поздравил Джорджа Чарльз, и мальчик гордо ухмыльнулся. – Ты уже был на мостике?

– Нет, – расстроено произнес Джордж, – корабль такой огромный, что не хватило времени, чтобы как следует осмотреть его. Я поднялся и на мостик, но там толпа пассажиров пилилась за борт. Надо попозже сходить. Ты пойдешь купаться после ленча?

– Я бы пошел, если твоя сестра не возражает.

Но Эдвина была против.

– Я думаю, что тебя уложат спать с Фанни и Тедди. Если ты считаешь, что можешь носиться по кораблю подобно дикому индейцу, то мы с мамой и папой думаем иначе.

– О, Эдвина, – простонал Джордж. – Ты ничего не понимаешь. Тут столько всего интересного.

– Тогда веди себя как следует. Предупреждай маму, куда идешь, чтобы она не волновалась.

– Что здесь у вас происходит? – раздался позади Эдвины голос отца. – Привет, Чарльз! Здорово, Джордж. Я смотрю, ты был очень занят? – Берт весело смотрел на сына.

– С ума сойти, па. Здесь столько всего интересного!

– Рад слышать.

Но в эту секунду Кэт углядела своего сына и с упреками набросилась на мужа:

– Бертрам! Как ты позволяешь ему ходить в таком виде? Он похож... он похож на пугало!

– Ты слышишь, Джордж? – мягко сказал отец. – По-моему, пора бы умыться. Могу я попросить тебя пойти в каюту и переодеться во что-нибудь менее... м-м... грязное, прежде чем ты окончательно расстроишь маму?

Берт выглядел скорее довольным, чем рассерженным, и сын широко ему улыбнулся. Но Кэт была далека от шуток, она строго велела Джорджу пойти помыться и переодеться.

– Ну, мам...

Джордж умоляюще посмотрел на Кэт, но безрезультатно: она решительно взяла его за руку и повела вниз, где и оставила с Филипом, изучавшим список пассажиров в надежде найти знакомых. Здесь, конечно, были Асторы, мистер и миссис Исидор Страус из семьи владельцев Мейси. Очень много известных имен, полно молодых людей, но – никого знакомого Филипу, во всяком случае пока, обнаружить не удалось. Правда, он заметил среди пассажиров несколько молодых барышень, которые ему понравились, и он рассчитывал с ними попозже познакомиться.

Он все еще разглядывал список, когда Кэт втащила в комнату Джорджа и попросила старшего сына проследить, чтобы Джордж умылся, переоделся и вел себя прилично. Филип обещал все сделать, но Джордж уже опять наострил лыжи. Он еще хотел сходить в котельную и на мостик, снова заглянуть на кухню с кучей загадочных агрегатов, которые ему не дали рассмотреть, и еще к лифту, чтобы проверить, действительно ли он скоростной.

– Жаль, что у тебя нет морской болезни, – мрачно сказал ему Филип, а Кэт оставила сыновей и отправилась на прогулочную палубу.

Они с Бертом прекрасно позавтракали в обществе Чарльза и Эдвины, а потом отправились к Филипу, Джорджу и Уне с малышами. После сна Алексис вроде уже освоилась с новой обстановкой и меньше боялась путешествия. Она с любопытством разглядывала гуляющих по палубе и потом познакомилась с девочкой, о которой говорил папа.

Ее звали Лоррейн, и по возрасту она была ближе к Фанни: ей было три с половиной года. Она и ее маленький братик Тревор жили в Монреале. Лоррейн играла с куклой, похожей на куклу Алексис. Это были уже взрослые куклы-леди, и Алексис назвала свою миссис Томас. Ее подарила на прошлое Рождество тетя Лиз, и Алексис с ней не расставалась. У куклы Лоррейн не было таких модных пальто и шляпки, а миссис Томас под черным бархатным пальто имела еще и розовое шелковое платьице, которое сшила Эвина. На ногах у нее были высокие ботиночки на пуговках, и Алексис взяла ее погулять на палубу.

Пароход прибыл в Шербур вечером, когда Алексис собиралась укладываться спать. Малыши уже уснули, а Джордж опять исчез. Кэт и Эвина переодевались к ужину, Чарльз, Филип и Бертрам ждали их в курительной.

Они ужинали в главном салоне на палубе Д; мужчины, конечно, во фраках, а женщины в изысканных туалетах, приобретенных в Лондоне, Париже или Нью-Йорке. На шею Кэт переливалось потрясающее кольцо из бриллиантов с жемчугом, принадлежавшее когда-то матери Бертрама.

Обеденный салон был оформлен со вкусом: кругом дерево ценных пород, сияющие бронзовые и хрустальные люстры. Три сотни пассажиров первого класса, собравшиеся в этой ярко освещенной комнате, напоминали персонажей волшебных сказок.

После ужина они сидели в соседнем салоне и слушали оркестр. Кэт украдкой зевнула и призналась, что ужасно устала и едва может пошевелиться. День выдался длинный, и как приятно отправиться наконец в каюту и хорошенько отдохнуть.

Эвина и Чарльз решили немного задержаться, и Кэт не возражала. В своей каюте Филип обнаружил спокойно спящего Джорджа, и Кэт облегченно вздохнула.

* * *

В полдень следующего дня они сделали последнюю остановку, чтобы взять на борт в Квинстоне пассажиров третьего класса, и, когда те поднимались по трапу, Уна вдруг взвизгнула и вцепилась в поручни.

– О боже, миссис Уинфилд! Вон моя кузина!

– Как это ты разглядела? – недоверчиво спросила ее Кэт: Уна была очень эмоциональной девушкой, не без излишнего воображения. – Не может быть.

– Да я ее где угодно узнаю. Она на два года старше меня, и мы всегда были как сестры. У нее рыжие волосы, и ее нельзя ни с кем спутать. Вон посмотрите – Элис и ее маленькая дочка, я их обеих вижу... Миссис Уинфилд, я вам точно говорю! Она все время хотела поехать в Штаты. О, миссис Уинфилд, – в глазах Уны показались слезы, – как я разыщу ее на пароходе?

– Если это в самом деле твоя кузина, мы попросим кого-нибудь из команды проверить список пассажиров третьего класса, и если это действительно она, то вы обязательно встретитесь. Как ее зовут?

– Элис О'Дэр. А дочку – Мэри. Ей скоро будет пять.

Кэт неприятно удивилась. Если Элис на два года старше Уны, значит, ей двадцать... и уже с пятилетней дочерью?.. Интересно, а есть ли у нее муж? Кэт боялась обидеть Уну вопросами и про себя решила, что мужа, скорей всего, нет.

– Можно я поиграю с ее маленькой дочкой? – тихо спросила Алексис.

Сегодня она держалась гораздо спокойнее. После ночи, проведенной в уютной кровати, «Титаник» уже не казался ей таким страшным. И стюарды, и горничные были так добры к Алексис, что она уже стала получать удовольствие от плавания. И Фанни тоже здесь понравилось. Утром она прокралась в кровать к Эдвине и наткнулась там на Алексис, а потом и Тедди вскарабкался к ним. Через минуту появился Джордж, присел на край кровати и стал щекотать всех без разбора, пока визги и хохот не разбудили наконец Уну. Она тут же прибежала, но не стала их ругать, а с улыбкой наблюдала возню детей.

А сейчас, найдя имя кузины в списках, она вся засияла. Это она, ясно как день. Элис О'Дэр. Уна сообщила новость Эдвине, пока та одевалась к обеду.

– Мисс Эдвина, здесь моя кузина... Я только что выяснила. Я ее четыре года не видела, а она нисколечко не изменилась.

– А как ты это узнала?.. – приветливо улыбнулась Эдвина.

– Одна из горничных согласилась присмотреть за детьми, пока они спят, а я спустилась в третий класс. Она оказалась в списке, стюард сказал мне об этом, и я хотела бы с ней повидаться. – И, как бы оправдываясь, добавила: – Миссис Уинфилд обо всем знает. Я ей говорила, и она позволила мне пойти навестить кузину.

– Конечно, конечно, разумеется, дорогая Уна!

Эдвина иногда неловко себя чувствовала: не настоящая хозяйка, но уже и не девочка, она знала, что Уна и другая прислуга в доме не доверяли ей, опасаясь, что она могла пожаловаться матери.

– Твоя кузина, должно быть, страшно обрадуется. – Эдвина ласково посмотрела на девушку, чувствуя себя лет на сто старше.

Уна с облегчением улыбнулась.

– Она красивая девушка, и Мэри такая лапочка. Ей был всего годик, когда я ее видела в последний раз. И она точь-в-точь такая, какой была маленькая Элис. Волосы будто огонь. – Уна счастливо засмеялась, и Эдвина тоже улыбнулась ей, застегивая мамины бриллиантовые сережки.

– Она едет в Нью-Йорк?

Молодая ирландка кивнула в подтверждение и пояснила:

– Они давно собирались в Америку. У нее там тетя и братья, и я уговаривала ее поехать в Калифорнию. И она сказала, что постарается. Я все сделаю, чтобы помочь ей устроиться на новом месте.

Эдвина снова улыбнулась. Уна была так счастлива, здорово, конечно, встретить родственников на пароходе, но внезапно она вспомнила о том, о чем ее мама подумала бы в первую очередь.

– Ты хорошо вымыла руки, когда вернулась?

– Да.

Уна, казалось, была слегка задета, но она понимала: для ее хозяев третий класс был чем-то вроде болезни, местом, которого они не знали и не хотели знать. Но там было не так плохо, как ожидала Уна. Конечно, ничего похожего на ее каюту, никаких изысканных штучек, но все чисто и опрятно, и кузина благополучно доберется до Америки, а это, в конце концов, самое главное.

– Разве это не здорово, мисс Эдвина? На одном пароходе... только представьте себе!.. Честно, я никогда не думала, что мне так повезет.

Она опять улыбнулась Эдвине и отправилась к детям, а Эдвина вышла в большую каюту, где ее уже ждали родители и Чарльз: обед в ресторане уже начался, а она задержалась из-за разговора с Уной, надо было поторапливаться. Входя, Эдвина не могла не улыбнуться своему суженому. Они все были счастливы и благословляли небо за свою жизнь, за людей, которых любили, за этот красивый корабль, который нес их в Штаты.

Эдвина, в своем бледно-голубом атласном платье, с зачесанными вверх волосами, с обручальным кольцом, сверкающим на пальце, держала за руку Чарльза, сознавая, что никогда в жизни еще не была так счастлива. Она гордо прошествовала в зал под руку с женихом, а Кэт и Бертрам, тихонько о чем-то разговаривая, шли следом. Эдвина знала, что сегодняшний день будет особенный – и это только прелюдия к будущей чудесной жизни.

Глава 3

Незаметно пролетали дни приятного путешествия. Казалось, кругом столько всяких интересных дел, и совсем нет времени, чтобы всюду успеть. Все выглядело таким удобным и приятным на этом плывущем меж двух миров корабле, где вам могли предложить многое – от изысканных кушаний до разнообразных развлечений, соответствующих самым требовательным вкусам.

Филип и Чарльз с удовольствием играли в сквош и упражнялись по утрам на велосипедах-тренажерах и механических лошадях, пока Эдвина разглядывала диковинные растения в зимнем саду. Джордж же сновал по всему лайнеру, катался на лифтах, заводил знакомства. Вся семья встречалась только за ленчем. После того как Уна уводила малышек, Кэт с Бертрамом долго бродили по прогулочной палубе, разговаривая о многих вещах, наслаждаясь свежим морским воздухом и общением друг с другом. Несмотря на долгие годы, прожитые вместе, у них всегда находились темы для бесед. Но дни бежали слишком быстро, не успеешь оглянуться, как путешествие закончится.

Вечерами они обедали в главном салоне или в более шикарном ресторане. Там, на второй день плавания, капитан Смит представил Уинфилдов Асторам. Миссис Астор многое рассказала Кэт о своей чудесной семье, и по некоторым признакам опытная Кэт догадалась, что миссис Астор в положении. Она была гораздо моложе своего мужа, но их выделяла среди других женатых пар страстная влюбленность друг в друга. Когда бы Кэт их ни встретила, они вечно держались за руки и тихо разговаривали, а однажды она увидела, как они целовались в коридоре.

Супруги Страус тоже понравились Кэт. Она никогда еще не видела такой дружной и любящей супружеской пары. Побеседовав несколько раз с миссис Страус, Кэт обнаружила в ней редкое чувство юмора.

На борту «Титаника» совершали путешествие сто двадцать пять пассажиров первого класса, многие из них были известны, некоторые даже знамениты, но особенное удовольствие Кэт доставило знакомство с дамой по имени Элен Черчилль Кэнди. Это была писательница, автор нескольких романов, и она, казалось, интересовалась самыми разнообразными предметами. В свою очередь, ее особа привлекала всеобщее внимание. Кэт неоднократно замечала, что привлекательную миссис Кэнди редко окружает меньше полудюжины мужчин.

– Смотри, как бы ты могла жить, если б не связалась со мной, – поддразнил Кэт муж, когда они проходили мимо сидящей в кресле миссис Кэнди, окруженной группой мужчин, ловящих каждое ее слово.

Кэт услышала ее звонкий смех и улыбнулась про себя. Она никогда не думала об этом. Сама мысль, что она могла бы жить, как миссис Кэнди, вызывала у нее улыбку. Она слишком любила мужа, детей и свой дом и была довольна судьбой.

– Боюсь, роль роковой женщины не для меня, дорогой.

– Почему бы и нет? – Берт посмотрел на жену обиженно, как будто она недооценивала себя. – Ты очень красивая.

– Глупенький, – Кэт чмокнула мужа в шею и покачала головой, – я все равно бы бегала с платком, вытирая кому-нибудь нос. Я думаю, мне на роду написано быть матерью большого шумного семейства.

– Какая потеря для общества... а ведь у твоих ног могла бы лежать вся Европа, как у ног прославленной миссис Кэнди. – Берт явно ее поддразнивал – на самом деле он был очень рад, что она посвятила свою жизнь ему и детям.

– Я предпочитаю жить с тобой, Берт Уинфилд. Все остальное мне не нужно.

– И я бесконечно тебе за это благодарен. – Он улыбнулся ей, думая о годах, прожитых вместе, о счастье, радостях и печалях. Они прожили чудесную жизнь и не только любят друг друга, но и остаются добрыми друзьями.

– Я надеюсь, что у Эдвины с Чарльзом будет так же, – тихо и серьезно сказала Кэт.

– И я. – Несмотря на холодный пронизывающий ветер, он остановился, обнял жену и крепко поцеловал. – Я хочу, чтоб ты знала, как я тебя сильно люблю, – прошептал Берт, и Кэт улыбнулась. Он выглядел гораздо серьезнее, чем всегда, и она нежно коснулась его лица, прежде чем поцеловать.

– С тобой все в порядке?

– Да. – Он выглядел слишком взволнованным. – Я считаю, что не мешает иногда вслух произнести те слова, что я только что сказал тебе, хотя ты слышала их от меня уже тысячу раз...

Был воскресный день, утром все собрались у капитана Смита, слушали мессу и молились «за тех, кто в море». Погода стояла тихая, но похолодало так, что почти все пассажиры покинули палубу.

Кэт и Бертрам заглянули в спортзал: там сидела миссис Кэнди с молодым Хью Вулнером. Уинфилды прошлись немного, вернулись к себе и решили попить чаю. В салоне они увидели Джона Джекоба Астора с женой, а потом заметили за чайным столиком Джорджа и Алексис, чаевничавших в обществе двух пожилых леди.

– Взгляни на него, – усмехнулся Берт, – меня иногда дрожь берет, когда я думаю, что из него вырастет.

Он оставил Кэт на диване у столика и подошел представиться двум дамам, которые угощали его детей. Берт сердечно поблагодарил их и отвел детей к жене.

– Ради бога, что вы там делали? – спросил Берт, весело глядя на Алексис, которая, к его великому удивлению, кажется, прекрасно себя чувствовала в обществе незнакомых людей, что было для нее редкостью. – И куда это вы подевали Уну?

Джордж радостно объяснил:

– Она пошла вниз к кухне, а малышню оставила с горничной. Я обещал ей, что провожу к вам Алексис, и Уна мне поверила.

– Джордж водил меня в спортзал, – гордо заявила Алексис, – и в бассейн, и еще мы катались на лифтах. А потом он сказал, надо найти кого-нибудь, чтобы угостили нас пирожными, мы и пошли. Они хорошие, – добавила она, кивнув в сторону дам. Алексис явно радовалась своему большому приключению. – Я им сказала, что завтра мой день рождения.

Так оно и было на самом деле. Кэт накануне заказала именинный пирог, сюрприз для Алексис, и Чарльз Джоун, шеф-повар, пообещал украсить его кремом и сахарными розами.

– Ну я рад, что вы отлично провели время, – с улыбкой заключил Берт, и Кэт тоже улыбнулась, слушая рассказы Алексис об их путешествии по кораблю. – Но, может, в следующий раз вам лучше пойти все-таки с нами, чем напрашиваться на чай к незнакомым людям?

Алексис прижалась к матери, и та ласково поцеловала ее и обняла. Алексис очень любила стоять так, рядышком с мамой, любила ее тепло, мягкие волосы, запах ее духов. Их двоих, казалось, связывали какие-то особые нити. Это, конечно, не значило, что Кэт меньше любила остальных детей, просто в какие-то моменты в Алексис проступало что-то особенное. Кэт обожала всех своих детей, но Алексис нуждалась в ней гораздо больше других. Казалось, что Алексис так и не станет вполне самостоятельным существом, не сможет окончательно отделиться от матери. Кэт была уверена, что Алексис никогда бы не решилась уехать и жить так далеко от нее, как это сделала Эдвина.

Немного позже в салон вошли вернувшиеся с прогулки Чарльз и Эдвина. Эдвина, подходя к родителям, пыталась согреть окоченевшие руки.

– Как я замерзла, скорее надо выпить чаю! – Эдвина улыбалась. Улыбка теперь почти не сходила с ее уст.

Кэт подумала, что вряд ли кто бывал так счастлив, разве только она сама, когда выходила за Берта. Чарльз и Эдвина будто созданы друг для друга. И миссис Страус это отметила, когда увидела их, и сказала Кэт, что Эдвина с Чарльзом – чудесная пара и она надеется, что они будут счастливы.

– Странно, почему же так холодно? – спросила Эдвина отца, заказывая чай и тосты с маслом. – Гораздо холоднее, чем утром.

– Мы плывем на север. Если не будем спать ночью, может, увидим парочку айсбергов, – ответил Берт, показывая на небольшие льдины, покачивающиеся на волнах.

– Это опасно?

Бертрам покачал головой.

– Такому большому современному кораблю нет. Ты же слышала, что говорят о «Титанике». Он непотопляем. Нужно что-нибудь побольше айсберга, чтобы пустить ко дну этот пароход. Да и потом, капитан очень опытен и осторожен, так что нечего беспокоиться.

Они делали около двадцати трех узлов в час – хорошая скорость для «Титаника». К полудню, когда пассажиры пили чай, «Титаник» уже получил три ледовых предупреждения от других пароходов – «Каронии», «Балтики» и «Америки», – но капитан Смит не сбавил ход. Он не считал это необходимым, ведь он внимательно следил за обстановкой. Капитан Смит был одним из самых опытных офицеров «Уайт стар» и после этого завершающего его карьеру почетного рейса собирался уйти в отставку.

Брюс Исмей, глава компании, тоже был на борту и видел радиограммы с предупреждениями, но отложил их после разговора с капитаном.

Вечером Кэт сама уложила детей, потому что Уна ушла вниз к кухне, договорившись с горничной, что та посидит с малышами. Но Кэт не возражала, она любила сама заботиться о детишках. К вечеру сильно похолодало, и Кэт вытащила запасные одеяла и укрыла детей потеплее.

Когда дети уснули, они с Бертом пошли в ресторан и по дороге остановились на палубе подышать свежим воздухом. Было ужасно холодно. Они встретили Филипа, и он поделился с родителями своими проблемами.

Он уже несколько дней заглядывался на девушку, которая путешествовала во втором классе. Девушка была очень хорошенькая, но Филип не знал, как к ней подступиться. Она раз-другой застенчиво поглядела на него, и он стал, как на дежурство, каждый день приходить на место их первой встречи в надежде снова ее увидеть. Сегодня Кэт боялась, что он простудится на таком холоде. У девушки или у ее родителей явно оказалось больше здравого смысла, и она не появлялась на палубе. Филип из-за этого ходил весь день как в воду опущенный и, совсем расстроившись, вообще решил отказаться от обеда.

– Бедняжка Филип, – сочувственно сказала Эдвина, когда они садились за стол.

Берт по пути перекинулся парой слов с мистером Гаггенхеймом, а потом остановился на минутку что-то сказать У.Т. Стеду, известному журналисту и писателю. Когда-то он написал несколько статей для газеты Уинфилда в Сан-Франциско.

Наконец Берт присоединился к Эдвине и Кэт.

– С кем это ты разговаривал, дорогой? – любопытствовала Кэт. Она узнала Стеду, но второй мужчина был ей незнаком.

– Это Бенджамин Гаггенхейм. Я познакомился с ним в Нью-Йорке, еще давно, – объяснил он и распространяться дальше не стал.

Кэт подумала, уж не из-за потрясающей ли блондинки, которая была с Гаггенхеймом? Кто-то говорил ей, что это не его жена.

– А с ним кто? Миссис Гаггенхейм? – все-таки спросила она мужа, будучи любопытной, как любая женщина.

– Не думаю. – Берт, давая понять, что не склонен более обсуждать этот вопрос, повернулся к Чарльзу и спросил, правильно ли тот угадал, сколько они проплыли за день.

Всего было пройдено пятьсот сорок шесть миль, Чарльз оказался прав и выиграл пари, заключенное с Бертом.

Это путешествие было прекрасной возможностью лучше узнать друг друга, и до сих пор БERTу и Кэт все в Чарльзе нравилось, и они надеялись, что их дочь будет счастлива, когда выйдет замуж.

– Никто не хочет прогуляться по морозцу? – спросил Берт и предложил жене уйти с вечернего концерта в салоне.

Но когда они вышли на палубу, оказалось, что там слишком холодно. В небе ярко сияли звезды, воздух был удивительно прозрачен.

– Господи, какой холод! – Кэт поежилась, несмотря на свои меха. – Просто невероятно.

Ночь была чиста и безмятежна, и никто из них не подозревал, что радист получил еще два предупреждения об айсбергах. Команда была уверена, что им бояться нечего.

В пол-одиннадцатого Кэт и Берт уже легли и погасили свет в своей каюте.

Почти в это же время «Калифорниец» передал радиогаммы об айсберге, только что замеченном вахтенным. Но радист «Титаника», Филипс, без передышки передавал на станцию Кейп Рейс в Ньюфаундленде послания пассажиров и довольно резко попросил «Калифорнийца» не перебивать его. У него еще лежали дюжины неотправленных радиогамм, а об айсберге он уже слышал. И на этот раз решил, что не обязательно предупреждать капитана. Тот, кстати, тоже уже видел предупреждения и не особенно обеспокоился.

«Калифорниец» отключился, так и не указав точного местоположения айсберга, а Филипс продолжал рассылать радиогаммы.

Кэт и Берт уснули, дети мирно посапывали в соседней комнате, а Чарльз с Эдвиной, прижавшись друг к другу на диванчике в каюте-гостиной, шептались о том, о чем всегда шепчутся влюбленные.

Время приближалось к полуночи.

Они все еще тихо разговаривали, тесно прижавшись друг к другу, когда корабль слабо содрогнулся, будто наткнувшись на что-то, но это был не сильный удар, и они не обратили на него внимания. Лишь спустя несколько минут Эдвина осознала, что слышится какой-то гул и чувствуется вибрация.

Пароход остановился, и Чарльз забеспокоился.

– Ты думаешь, что-то не в порядке? – с тревогой спросила жениха Эдвина, и он выглянул в окно по правому борту, но ничего не разглядел в темноте.

– Да нет, не думаю. Ты же слышала, вчера твой отец говорил, что корабль этот непотопляемый. Может, они проверяют машины или регулируют что-нибудь, а может, меняют курс. Я уверен, ничего страшного. – Тем не менее он накинул пальто и нежно поцеловал Эдвину. – Пойду взгляну, что там, и расскажу тебе.

– Я с тобой.

– Очень холодно, Эдвина. Лучше подожди меня здесь.

– Уж не холодней, чем у дядюшки Руперта.

Чарльз улыбнулся и помог ей надеть шубу. Он был уверен, что на корабле все в порядке. А если и нет, то команда скоро устранит неисправность, и они снова двинутся в путь.

В коридоре они столкнулись с другими любопытными пассажирами. Кто-то был уже в халате и домашних тапочках, некоторые еще во фраках и вечерних платьях. Казалось, множество людей, включая и Джона Джекоба Астора, почуяли неладное и решили узнать, в чем дело.

Но обход палубы им ничего не дал, кроме того, что они и так знали: пароход остановился, и три из четырех огромных труб выпускали пар в небо. Никакой видимой опасности вроде бы не чувствовалось. Ничего таинственного, ничего серьезного, и стюард в конце концов объяснил собравшимся пассажирам, что «Титаник» наткнулся на «ледышку», беспокоиться не о чем.

Мистер Астор отправился к жене, Чарльз с Эдвиной вернулись в салон. От других пассажиров они узнали, что бояться нечего, а если они хотят посмотреть на айсберг, то кусок льдины виден с площадки третьего класса. По палубе бродили пассажиры, наблюдали, как в третьем классе на корме люди смеются, перебрасываясь снежками и кусочками льда. Чарльза с Эдвиной это зрелище не слишком заинтересовало, и, выяснив, что ничего серьезного не произошло, они решили идти в каюту.

Было без пяти минут двенадцать, когда они вошли к себе и увидели Бертрама, ожидавшего их с обеспокоенным видом.

– Что-то случилось? Почему мы остановились?

Он говорил шепотом, потому что жена спала, но пока не заглохли машины, он не волновался.

– Да вроде нет, – быстро ответил Чарльз, сбрасывая пальто и помогая Эвдине снять шубу. – Видимо, мы столкнулись с льдиной, но никто особенно не беспокоится. Команда, кажется, отнеслась к этому спокойно, и на палубе ничего тревожного не заметно.

Чарльз выглядел спокойным, и Берт с облегчением вздохнул. Он испытывал неловкость, что так разволновался, но ведь у него семья, и надо было убедиться, что все в порядке. Он пожелал всем спокойной ночи, попросил Эвдину не засиживаться долго и вернулся в свою каюту в три минуты первого.

«Титаник» действительно напоролся на айсберг: вскоре его пять так называемых водонепроницаемых отсеков были полны водой, хлещущей из пробоины.

На мостике собрались капитан Смит, Брюс Исмей, глава «Уайт стар», и Томас Эндрюс, кораблестроитель. Они не могли поверить собственным глазам, пытались оценить обстановку и определить выход из нее. Выводы Эндрюса оказались далеко не утешительными.

Выхода не было: с пятью залитыми водой отсеками «Титаник» не мог долго оставаться на плаву. Непотопляемый корабль тонул. Они надеялись удержать его какое-то время на поверхности, но никто не знал, как долго это продлится.

Бертрам Уинфилд, вернувшись в каюту, на мгновение почувствовал, как пол под ногами слегка накренился, но он не придал этому особого значения.

В пять минут первого капитан Смит, по требованию Томаса Эндрюса, приказал команде расчехлять спасательные шлюпки. До сего времени матросы не практиковались в этом – не было нужды, ведь этот пароход не мог утонуть. Стюардов отправили будить пассажиров первого класса, и они стучали в двери кают.

Берт прислушивался к громким голосам, когда Чарльз открыл дверь, но не мог разобрать слов. Обеспокоенный, он вышел из своей каюты. Стюард улыбался и мягко разговаривал с ними, будто они были детьми, которых убеждали послушаться взрослых и не пугаться. Он просил их по возможности быстро выполнить его указания.

– Все поднимайтесь на палубу, только сначала наденьте спасательные жилеты. Пожалуйста, не задерживайтесь.

Не было ни гудков, ни сирен, ни сигнала общей тревоги. Вообще стояла неестественная тишина, но взгляд стюарда им все сказал.

Эдвина начала двигаться как-то автоматически, сообразив, что нужно как можно быстрее помочь маме собрать детей.

– У меня есть время переодеться? – спросила она стюарда, прежде чем он перешел к следующей каюте.

Тот покачал головой и бросил ей через плечо:

– Боюсь, что нет, мисс. Оденьтесь потеплее и не забудьте про спасательный жилет. Это просто предосторожность, но не теряйте времени и идите наверх прямо сейчас.

Эдвина встревоженно взглянула на Чарльза, и он сжал ее руку. Бертрам пошел будить Кэт и детей. Уна уже вернулась от кухни и крепко спала у себя в каюте.

– Я помогу собрать детей, – предложил Чарльз и прошел к Филипу и Джорджу, вынул их пояса и стал поторапливать мальчиков, стараясь не слишком их пугать.

Они восприняли новость по-разному: Джордж предвкушал интересное приключение, а бедный Филип страшно нервничал, застегивая жилет поверх одежды.

Эдвина сперва разбудила Алексис, нежно погладив ее, потом подняла с кровати Фанни и мягко хлопнула по руке Уну, но девушка непонимающе глядела на Эдвину, пока та, сдерживая подступающую панику, пыталась объяснить ей, что случилось.

– Где мама? – испуганно спросила Алексис и побежала обратно в кровать, пока Эдвина просила Уну одеть Тедди.

Сонная Кэт выбежала из спальни, на ходу натягивая халат поверх ночной рубашки, и Алексис кинулась к матери.

– Что происходит? – в замешательстве спросила Кэт, переводя взгляд с мужа на дочь и Чарльза. – Что-то случилось, пока я спала? – Она явно не могла понять, в чем дело.

– Не уверен, – Берт был честен с ней, – все, что я знаю, это то, что мы наткнулись на айсберг, но говорят, будто ничего серьезного, по крайней мере Чарльзу так сказали полчаса назад, но теперь они просят нас подняться на палубу к шлюпкам в спасательных жилетах.

– Ясно. – Кэт оглядела своих детей, и взгляд ее остановился на ногах Эдвины, обутых в легкие серебристые босоножки на высоких каблуках. – Эдвина, смени обувь. Уна, надень пальто и застегни жилеты на Фанни и Тедди, скорее.

Няне уже помогал Чарльз. Бертрам в это время натягивал брюки поверх пижамы и переобувался в ботинки. Он надел свитер, куртку и спасательный жилет, потом принес Кэт теплое шерстяное платье в каюту, где она одевала Алексис.

И вдруг он почувствовал, что пол под ногами накренился, и впервые с тех пор, как стало известно о столкновении с айсбергом, по-настоящему испугался.

– Давайте, дети, быстрее, – сказал он, пытаясь держаться уверенно.

Филип и Джордж были уже готовы. Эдвина, переобувшись, стояла в пальто, и Чарльз помог ей надеть спасательные жилеты на Фанни, Тедди и Алексис. Только Уна металась по каюте босиком и в ночной рубашке. Кэт поверх халата натянула шерстяное платье, влезла в закрытые туфли и теперь пыталась втиснуться в шубу.

– Тебе нужно побыстрее одеться, – прошептала Уне Эдвина, не желая, чтобы дети поддались испугу, наблюдая за полуодетой, мечущейся в растерянности няней.

– О, Элис!.. Я должна пойти к моей кухне Элис и маленькой Мэри!..

Ломая руки, Уна бегала по каюте, не обращая внимания на ожидавшее ее семейство Уинфилдов.

– Ничего подобного ты не сделаешь, дорогая. Сейчас же одевайся, нам надо идти, – сухо отрезала Кэт.

Она все еще держала Алексис за руку, и хотя малышка была испугана, но больше не упрямилась. Она знала, что с ней ничего не случится, пока рядом мама и папа. Все были готовы, кроме Уны, которая вдруг заупрямилась, не желая идти с ними.

– Я не умею плавать... Я не умею плавать... – приговаривала она сквозь слезы.

– Не будь дурочкой! – Кэт схватила ее за руку и подвела к Эдвине. – Тебе и не надо плавать. Все, что ты должна делать сейчас, это следовать за мной. Мы поднимемся наверх, но сперва ты оденешься.

Кэт надела Уне через голову свое платье, присела и помогла застегнуть ботинки, накинула ей на плечи пальто, схватила спасательный жилет, и через минуту они уже шли за остальными.

Все коридоры были забиты людьми, поднимающимися на палубу в одинаковых спасательных жилетах, с одинаково встревоженными лицами, хотя некоторые пытались шутить и делали вид, что отправляются на очередное развлечение.

Было четверть первого, стояла глубокая ночь, и радист Филип отправил первый сигнал о помощи, потому что уровень воды в трюме поднимался гораздо быстрее, чем ожидал капитан Смит. Прошло чуть больше четверти часа, как они врезались в айсберг, но команда «Титаника» ничего не могла сделать для того, чтобы удержать гигантский океанский лайнер на плаву. Никто не мог ожидать, что легендарный непотопляемый «Титаник» окажется столь уязвимым.

– Может, надо было взять с собой какие-нибудь драгоценности? – обеспокоенно спросила Кэт у Берта. Она только что о них вспомнила, но не захотела возвращаться. Обручальное кольцо на пальце – самая главная для нее драгоценность – всегда было при ней.

– Не беспокойся ты о них, – Берт улыбнулся и сжал ее руку, – я куплю тебе новые побрякушки, если ты останешься без этих... – Он не хотел произносить «лишишься» из-за ужаса, который подразумевался за этими словами.

Он внезапно страшно испугался за жену и за детей. Они поднялись к шлюпочной площадке, и когда Берт заглянул в спортзал, то увидел там Джона Джекоба Астора с женой. Астор хотел уберечь жену от холода и паники, опасаясь, как бы она не потеряла ребенка. На них были надеты спасательные жилеты, и еще один лежал у Астора на коленях. Он сидел, поигрывая перочинным ножиком и насвистывая какую-то мелодию.

Видимо, для поддержания бодрого настроения капитан отдал распоряжение, чтобы на палубе играл оркестр.

Уинфилды прошли под звуки музыки мимо спортзала и вышли к левому борту, где матросы расчехляли восемь деревянных шлюпок. На правом борту было еще восемь, четыре находились на корме, четыре на носу, и еще четыре складные парусиновые шлюпки.

Это было не слишком веселое зрелище, и у Берта, наблюдавшего за работой команды, защемило сердце, он крепче сжал руку жены. Другой рукой она держала Фанни, к матери льнула Алексис, а Филип нес маленького Тедди. Они стояли, съезжившись от холода, не в силах поверить, что на этом громадном, величественном корабле действительно спускают спасательные шлюпки, а люди среди ночи ждут посадки в них.

Кругом слышался гул голосов, и Кэт увидела, как Филип разговаривает с Джеком Тейером, мальчиком из Филадельфии, с которым подружился в начале плавания. Его родители присутствовали сегодня вечером на обеде, устроенном Уайденерами, тоже жителями Филадельфии, в честь капитана. Джек что-то сказал Филипу, они ободряюще улыбнулись друг другу, а затем Джек побрел к другой группе пассажиров, высматривая своих родителей.

Кэт заметила Эллисонов из Монреаля с их маленькой дочкой Лоррейн, сжимавшей в руках свою любимую куклу. Они отставали от остальных; миссис Эллисон крепко держала мужа за руку, а рядом гувернантка несла маленького мальчика, закутанного в одеяльце.

Второй помощник капитана, Лайтоллер, руководил посадкой в спасательные шлюпки на левом борту, и вокруг него царил оживление, но паники не было. Никто, кроме команды, не умел обращаться с этими лодками, да и сами матросы не особенно были уверены в своих действиях. Они расчехляли шлюпки и бросали в них фонари и банки с галетами; толпа с напряженным вниманием наблюдала, как матросы отошли к шлюпбалкам и стали двигать рычаги и поворачивать шлюпки, опуская их, с тем чтобы пассажиры могли садиться.

Оркестр играл регтайм. Алексис, так долго крепившаяся, не выдержала и заплакала, и Кэт наклонилась к дочери напомнить ей, что уже наступил ее день рождения, а в такой день

не годится плакать. Кэт прижала к себе покрепче Фанни и Алексис, с беспокойством взглянув на мужа. Он прислушивался к тому, что говорят вокруг, пытаясь узнать что-то новое и разобраться в обстановке. Но никто толком не знал, что происходит, кроме того, что пассажиров действительно рассаживают по шлюпкам, причем сначала только женщин и детей.

Оркестр заиграл громче, и Кэт улыбнулась, отгоняя страх.

– Ничего не может случиться, иначе оркестр не играл бы такую веселую музыку, правда? – Она посмотрела на Бертрама, понимая, что он тоже испуган, но при детях они не хотели выдать своей растерянности.

Эдвина стояла рядом с Чарльзом, обсуждающим происходящее с какими-то молодыми людьми. Она в спешке забыла перчатки, и Чарльз старался согреть своими руками ее замерзшие пальчики.

Позвали на посадку женщин и детей, и все, казалось, подались назад, когда второй помощник капитана приказал им проходить вперед. Никто не мог заставить себя поверить, что существует реальная опасность. Господа Кеньон, Пирс и Уик провели вперед своих жен, но те не хотели расставаться с мужьями и спускаться без них в шлюпки.

– Не волнуйтесь, дамы, – громко произнес какой-то мужчина, – мы к завтраку все вернемся на пароход. Что бы ни случилось, все скоро будет позади, и мы будем вспоминать об этом приключении за чаем.

Он говорил так убедительно, что его слова на многих пассажиров подействовали успокаивающе, и несколько дам робко шагнули вперед. Некоторых из них сопровождали служанки.

Мужчин попросили оставаться на месте, в шлюпках размещали только женщин и детей. Лайтоллер несколько раз повторил:

– Садятся только женщины и дети.

Когда он вновь произнес это, Уна, посмотрев на Кэт, разревелась.

– Я не могу, мэм... Я не умею... не умею плавать... и Элис... и Мэри... – Она попятилась назад.

Кэт выпустила ручку Алексис и попыталась успокоить Уну, но та с криком протиснулась сквозь толпу и бросилась вниз, к двери в третий класс.

– Догнать ее? – спросил Филип.

Кэт, вернувшись к детям, обеспокоенно посмотрела на Бертрама. Захныкала малышка Фанни; Эдвина взяла на руки Тедди. Бертрам не хотел, чтобы кто-нибудь из его детей догнал Уну. Если ей не хватит ума вернуться, ее посадят в шлюпку в другой части корабля, и она позже к ним присоединится. Он хотел, чтобы семья была в сборе, и приказал всем держаться вместе.

– Берт, я не хочу оставлять тебя, – сказала Кэт. – Разве мы не можем немного подождать? Тревога уляжется, они все это отменят, и детей не надо будет мучить...

Но пока она говорила, палуба еще больше накренилась, и Бертрам понял, что тревога не была ложной. Все было очень серьезно, и любое промедление с их стороны могло оказаться роковым.

Но он не знал, что на мостике Томас Эндрюс сообщил капитану Смиту, что корабль продержится еще примерно с час, а шлюпок, пожалуй, хватит меньше чем половине пассажиров. Делалось все возможное, чтобы связаться с «Калифорнийцем», который находился всего в десяти милях, но радист «Титаника», несмотря на все усилия, не мог его вызвать.

– Я хочу, чтобы ты с детьми спустилась в шлюпку, Кэт.

Берт произнес это спокойно, но Кэт взглянула мужу в глаза и испугалась того, что в них прочла. Она еще никогда не видела его таким растерянным и перепуганным. Она инстинктивно обернулась, ища Алексис, которая еще секунду назад стояла рядом.

Кэт выпустила ее руку, когда бросилась за Уной, и теперь Алексис исчезла.

Кэт повсюду высматривала дочь, проверила, не с Эдвиной ли она, но Эвина разговаривала с Чарльзом, а рядом стоял притихший, замерзший Джордж. Правда, он заметно оживился, когда в воздухе вспыхнули ракеты, осветив черное ночное небо.

Было три четверти первого; около часа прошло с того момента, как «Титаник» столкнулся с айсбергом, который, как уверяли, не мог причинить пароходу никакого вреда.

– Что это значит, Бертрам? – прошептала Кэт, по-прежнему ища глазами Алексис. Может, та играет с дочкой Эллисонов в куклы?

– Это значит, что все очень серьезно, Кэт. – Берт показал на вспыхивающие в небе ракеты. – Ты должна немедленно отправляться с детьми на посадку.

На этот раз Кэт поняла, что он имел в виду. Берт сжимал ее руку, и в его глазах стояли слезы.

– Ума не приложу, куда подевалась Алексис. – Кэт начинала паниковать, и Берт осмотрел толпу с высоты своего роста, но нигде не увидел золотоволосой дочурки. – Похоже, она спряталась. Я ее держала за руку, а потом побежала за Уной... – Ее глаза заблестели от слез. – О боже, Берт, где она? Куда она делась?

– Не волнуйся, я найду ее. Стой тут.

Он нырнул в толпу, но напрасно заглянул во все укромные уголки, Алексис нигде не было. Бертрам поспешил назад к Кэт, которая держала Тедди, стараясь в то же время уследить за непоседливым Джорджем. Она вопросительно посмотрела на мужа, но Берт покачал головой.

– Пока нигде не видно... но не могла же она далеко уйти. – Берт выглядел расстроенным и встревоженным.

– Она потерялась... – Кэт почти плакала. – И надо же было этому случиться именно сейчас!..

– Она, должно быть, где-то прячется. – Берт нахмурился. – Ты же знаешь, как она боится воды...

Алексис боялась плыть на пароходе, а Кэт успокаивала ее, обещала, что ничего не случится. Но вот несчастье случилось, а она пропала.

Тем временем Лайтоллер продолжал вызывать женщин с детьми на посадку.

– Кэт... – Берт взглянул на жену, хотя прекрасно знал, что она не уедет без Алексис.

– Я не могу. – Она все еще смотрела по сторонам, и вдруг, оглушительно, как пушки, прогремели сигнальные ракеты.

– Пусть тогда идет Эвина.

На лбу Бертрама, несмотря на пронизывающий холод, выступил пот. Это был какой-то бесконечно длящийся невообразимый ночной кошмар. Палуба все наклонялась, и он понимал, что пароход быстро тонет. Он подошел к жене, мягко взял у нее маленького Тедди и поцеловал его кудряшки, выбившиеся из-под шерстяной шапочки, которую надела на него Уна.

– Эвина может взять малышей. Вы с Алексис сядете в следующую шлюпку.

– А ты? – Лицо Кэт было мертвенно-бледным в жутких отсветах ракет. Оркестр перешел от регтайма к вальсам. – А Джордж с Филипом... И Чарльз?..

– Мужчинам пока нельзя, – ответил Берт, – ты же слышала, что сказал помощник капитана: сначала женщины и дети. Филип, Джордж, Чарльз и я присоединимся к вам позже.

Вокруг них скопилась уже большая группа мужчин, машущих своим женам, пока шлюпки медленно заполнялись. Было пять минут второго, ночной воздух, казалось, еще больше заледенел. Женщины продолжали упрашивать строгого помощника пропустить их мужей, но он не уступал и не подпускал мужчин к месту посадки.

Кэт быстро подошла к Эвине и передала ей слова Берта:

– Папа хочет, чтобы ты села в шлюпку с Фанни и Тедди... и Джорджем, – добавила она.

Ей хотелось, чтобы хоть Джордж попытался уехать. Ведь он еще ребенок, ему только двенадцать, и Кэт решила, что он поедет с Эдвиной.

– А ты? – испугалась Эдвина. Страшно было подумать, что она с Джорджем и малышами уедет, а родители останутся на пароходе.

– Я сяду в следующую шлюпку. Надо найти Алексис, – спокойно сказала Кэт. – Я уверена, она где-то тут прячется, напуганная всем этим шумом и суетой.

Кэт была не очень в этом уверена, но не хотела тревожить дочь. Пусть она скорее садится с малышами. Помогать ей некому, ведь Уна их покинула. Кэт подумала, как она там, внизу, со своей кузиной?..

– Джордж тебе будет помогать, пока мы с папой не присоединимся к вам.

Джордж протестующе заворчал, ему хотелось до конца оставаться с мужчинами, но Кэт была непреклонна и отвела всех к Берту.

– Ты не нашел Алексис? – Кэт нервно оглядела палубу, но безрезультатно. Ей теперь хотелось поскорее усадить остальных детей в шлюпку и помочь Берту в поисках Алексис.

Лайтоллер готовится спускать на воду восьмую шлюпку, и в ней уже разместилось много женщин, хотя оставались еще пустые места. Там хватило бы места и для мужчин, но никто не осмеливался перечить строгому второму помощнику. Он даже грозил применить оружие, если кто-нибудь из мужчин попытается влезть в шлюпку.

– Еще четверо! – крикнул ему Берт, и Эдвина в отчаянии посмотрела на родителей, потом на Чарльза, с болью глядевшего на нее.

– Но... – Она не успела договорить, потому что отец подтолкнул их с Фанни, Джорджем и Тедди к шлюпке. – Мама, разве я не могу подождать тебя? – На глазах Эдвины показались слезы, и она казалась сейчас испуганной, растерянной девочкой.

Кэт крепко обняла дочь и посмотрела ей в глаза. Тедди захныкал и протянул к матери пухлые ручонки.

– Нет, сыночек, иди с Эдвиной. Мама тебя очень любит...

Кэт поцеловала его и потерлась щекой о его щечку, поцеловала маленькие ручки сына. Потом обеими руками коснулась лица Эдвины, нежно глядя на старшую дочь. В ее глазах стояли слезы, но это были слезы не страха, а скорби.

– Я всегда буду с тобой. Я очень тебя люблю, моя хорошая. Что бы ни случилось, позаботься о них. – Потом она прошептала: – Береги себя, мы скоро снова будем вместе.

На миг Эдвина засомневалась, действительно ли мама верит в то, что говорит, и тут вдруг поняла, что не может ехать без нее.

– О, мама... нет...

Эдвина с Тедди на руках вцепилась в мать, и обе они рыдали, когда сильные мужские руки обхватили ее и Джорджа с Фанни. Взгляд Эдвины метался между мамой, отцом и Чарльзом. Она даже не смогла попрощаться с ним, лишь крикнула:

– Я люблю тебя!

Чарльз послал ей воздушный поцелуй, замахал рукой и вдруг размахнулся и что-то бросил невесте. Это оказались его перчатки. Эдвина поймала их и, усаживаясь на деревянную скамью, не отрывала глаз от своего жениха. Он пристально смотрел на нее, как будто хотел навсегда запомнить дорогое лицо.

– Будь умницей, девочка моя! Скоро мы будем вместе! – крикнул он, и в тот же миг шлюпка начала медленно спускаться вниз.

Эдвина сквозь слезы смотрела то на маму, то на отца, то на Чарльза, пока они не пропали из виду. Кэт еще некоторое время слышала, как плачет Тедди, помахала им в последний раз, пытаясь сдержать рыдания.

Лайтоллер стал было возражать, когда Джордж полез в шлюпку, но Берт резко возразил, что мальчику нет еще двенадцати, и, не дожидаясь дальнейших комментариев второго

помощника, посадил сына в лодку. Джордж хотел остаться с родителями и Филипом, но Берт посчитал, что Эдвине понадобится его помощь.

– Я люблю вас, дети, – прошептал Берт, глядя на них. В последний раз он прокричал вниз: – Мы с мамой скоро будем с вами! – И отвернулся, чтобы никто не видел его слез.

Кэт застонала, когда шлюпка заскользила вниз, и едва решилась посмотреть на детей. Она крепко сжимала руку Берта и глядела на них – Эдвину с Тедди на руках, Фанни, цепляющуюся за руку сестры, Джорджа, который неотрывно смотрел снизу вверх... Управлять перегруженной шлюпкой было довольно сложно: одно неосторожное движение – и она могла перевернуться, и тогда все пассажиры оказались бы в ледяной воде.

В воздухе стоял гул голосов, раздавались рыдания, прощальные выкрики... Вдруг Кэт услышала крик Эдвины. Она неистово размахивала руками, кивала головой и показывала куда-то.

Кэт, взглянув на нос спасательной шлюпки, увидела облачко светлых волос. Ошибки быть не могло: там, съезжившись, сидела Алексис. Кэт ощутила, как ее охватило чувство облегчения, и закричала Эдвине:

– Я вижу ее!.. Я ее вижу!

Девочка была спасена, она находилась с остальными... Пятеро детей, ее пять дорогих детишек в одной лодке. Все, теперь только бы успеть отплыть с Филипом, мужем и Чарльзом, который о чем-то тихо разговаривал с другими мужчинами, уже отправившими в шлюпках своих жен. Они пытались убедить друг друга, что все обойдется и скоро они благополучно покинут пароход.

– Слава богу, Берт, она нашлась! – Кэт была счастлива, что увидела Алексис и что та находится в безопасности, и почувствовала облегчение, несмотря на царившее вокруг страшное напряжение. – Как же она там очутилась, в шлюпке?

– Видимо, кто-то увидел одинокого ребенка и посадил в лодку, а малышка была слишком напугана, чтобы возражать и сопротивляться. Кэт, милая, как бы то ни было, она в безопасности, а следующая ты. Ясно? – Он говорил жестко, чтобы спрятать свой страх, но Кэт слишком хорошо знала мужа.

– Не понимаю, почему бы мне не подождать тебя с Филипом и Чарльзом?.. Эдвина прекрасно справится с детьми.

Кэт очень беспокоилась за своих детей, но теперь, когда она узнала, что и Алексис там, в шлюпке, вместе с сестрой, и все они – вне опасности, она решила остаться с мужем. Кэт благодарила господ, что Эдвина успела ей крикнуть про Алексис, не то они сейчас метались бы с мужем по кораблю в поисках малышки.

Шлюпки, достигнув воды, быстро отплывали от корабля, и, когда восьмая, где находились Уинфилды, достигла поверхности ледяной воды, Эдвина прижала к себе Тедди и попыталась поудобнее устроить Фанни у себя на коленях, но сиденья были слишком высоки. Она хотела бы забрать с носа шлюпки Алексис, но не могла даже пошевелиться, так тесно они сидели.

Джордж греб вместе с другими матросами. Это заставляло его чувствовать себя нужным и взрослым.

Эдвина попросила одну из женщин передать Алексис, что они тоже здесь. Та передала по цепочке, и наконец девочка обернулась. Эдвина онемела от изумления – она увидела красивую светловолосую девчушку, плакавшую оттого, что ее мама осталась на пароходе, это была не Алексис. Эдвина поняла, что допустила ужасную ошибку: ведь она передала маме, что Алексис в шлюпке. Теперь никто на корабле ее искать не будет. Она зарыдала, прижимая к себе маленькую Фанни.

А в это самое время Алексис тихонько сидела в своей каюте. Она ускользнула с палубы, где было холодно и страшно, когда мама выпустила ее руку, и побежала за Уной. Алексис оставила в кроватке свою любимую куклу и не собиралась уезжать без нее.

Когда она вернулась в каюту и нашла куклу, ей показалось тут спокойно и тихо. Алексис было непонятно, почему она должна садиться в какую-то шлюпку и падать в ней в противную черную воду. Она подождет здесь, пока все это кончится и придут мама с папой. Она посидит тут с куклой, миссис Томас.

Сверху доносились звуки оркестра, чьи-то голоса, шум. В коридоре не было слышно ничьих шагов.

Все пассажиры находились на палубе, прощались с любимыми и спешили в спасательные шлюпки, а над их головами продолжали взрываться ракеты, и радист отчаянно пытался вызвать на помощь ближайшие суда.

Первым, в 12.18, отозвался «Франкфурт», потом «Маунт Темпл», «Вирджиниан» и «Бирма», но от «Калифорнийца», который был к «Титанику» ближе всех, не поступило ни слова с одиннадцати часов, после того как он передал предупреждение об айсберге, а Филип в ответ велел не мешать ему. С того времени радист «Калифорнийца» не подавал признаков жизни. А ведь это был единственный пароход, который мог успеть им на помощь... Даже ракеты были бесполезны: на «Калифорнийце» явно решили, что это очередной фейерверк, каких много было в этот рейс. Конечно, кому придет в голову, что «Титаник» тонет.

В 12.25 «Карпатия», находящаяся в пятидесяти восьми милях от них, отозвалась и обещала подойти как можно скорее. Потом подключился «Олимпик», но он был в пятистах милях – слишком далеко, чтобы подоспеть на помощь.

Капитан Смит то и дело заходил в радиорубку, откуда Филип посылал сигналы бедствия, и приказывал радисту снова и снова повторять их в надежде, что откликнутся хотя бы какие-нибудь яхты. Сейчас была нужна любая помощь.

Первый сигнал бедствия с «Титаника» послали в 12.15, а Алексис все сидела одна в пустой каюте, играя с куклой и что-то мурлыча себе под нос. Она понимала, что родители ее отругают, когда вернуться, но, может быть, они не станут слишком сердиться: ведь сегодня день ее рождения. Ей исполнилось шесть лет, а кукле – гораздо больше. Миссис Томас уже взрослая, ей целых двадцать четыре года.

Лайтоллер заполнял пассажирами очередную шлюпку. По правому борту можно было уже посадить несколько мужчин, но на левом по-прежнему пропускали пока только женщин и детей. Во втором классе пассажиры тоже рассаживались в шлюпки, а кое-кто из третьего класса ломился сквозь перегородки и запертые двери в надежде сесть в шлюпки во втором, а то и в первом классе. Но проникнуть туда было невозможно: команде строго-настрого приказали следить за порядком, капитан боялся паники и хаоса.

Матросы просили пассажиров третьего класса вернуться назад, но люди кричали, плакали, умоляли пропустить их к спасательным шлюпкам. Одна ирландская девушка, рядом с которой стояла молодая женщина с ребенком, настаивала, чтобы ее пропустили в первый класс, но матрос бесстрастно загораживал проход и не слушал ее сбивчивых объяснений.

Кэт и Берт прошли в спортзал, чтобы хоть немного согреться и отойти от всеобщей паники, страданий и слез. Филип остался на палубе с Чарльзом и Джеком Тейером, они помогали женщинам садиться в шлюпки. С ними был Дэн Мартин, только что тоже отправивший в одной шлюпке с Эдвиной свою невесту.

В спортзале Кэт с Бертом заметили, что Асторы так там и сидят и тихо беседуют. Они, казалось, не участвовали в общей суматохе, только послали слугу с горничной на палубу взглянуть, как там дела.

– Как ты думаешь, с детьми все в порядке? – Кэт встревоженно посмотрела на Берта, и он кивнул, радуясь, что Эвина нашла Алексис и по крайней мере пятеро детей спасены.

Он беспокоился за жену и Филипа, но надеялся, что Лайтоллер позволит Филипу уехать. Меньше всего надежды было на то, что дойдет очередь до Чарльза и других взрослых мужчин.

– Думаю, с ними все в порядке, – успокоил жену Берг. – Событий сегодняшней ночи они никогда не забудут. И я, – добавил он, серьезно глядя на Кэт. – Ты знаешь, мне кажется, пароход тонет.

Он был уверен в этом, хотя никто из команды не подавал вида, что конец близок, продолжал играть оркестр, будто на корабле проходил веселый и слегка сумасшедший вечер. Берг посмотрел на жену, взял ее изящную руку и поцеловал кончики всех пальцев.

– Я хочу, чтобы ты села в следующую шлюпку, Кэт. И я попытаюсь устроить с тобой Филипа. Ему ведь всего шестнадцать, они должны его взять. Он почти ребенок.

Разумеется, Кэт не надо было убеждать в этом, сейчас все зависело от Лайтоллера.

– Не понимаю, почему нельзя подождать, когда мужчинам позволят садиться, и тогда я поеду с вами. Все равно я ничем не могу помочь Эдвине, мы же будем в разных шлюпках. А она сама со всем справится, Эдвина у нас молодец.

Кэт улыбнулась, подбадривая себя, что все будет хорошо, все обойдется. Конечно, ужасно быть здесь без детей, но главное, что они в безопасности. И единственное, о чем сейчас приходилось беспокоиться, это спасение старшего сына, мужа и жениха дочери. Как только они окажутся в шлюпке, она ни словом не попрекнет этот пароход, раз они спасутся, а они обязательно спасутся. Эвакуация проходила довольно быстро, не все шлюпки до конца заполнялись, когда их спускали на воду, а значит, места всем хватит. Она была уверена, что у них в запасе еще несколько часов, пока произойдет что-то серьезное. Обманчивое ощущение спокойствия заставляло ее верить, что все обойдется.

Но там, на мостике, капитан Смит знал правду. Было уже около двух, машинное отделение полностью затоплено. Не возникало сомнений – они пойдут на дно, вопрос лишь в том, как скоро. Радист Филипс продолжал посылать отчаянные сигналы о помощи, но радиотелеграф на «Калифорнийце» был отключен, с корабля видели ракеты, но вовсе не задумывались над тем, что они могли означать. Все были уверены, что на «Титанике» праздник, правда, один из дежурных офицеров заметил, что пароход держится на воде под странным углом и вообще выглядит как-то не так. Но никому и в голову не могло прийти, что он тонет. Запросом, идет ли «Титаник» ему навстречу, радировал «Олимпик». Никто не понимал, что происходит на самом деле, – ведь это уму непостижимо, чтобы «непотопляемый» корабль, самый большой на флоте, шел ко дну. Вернее, почти уже ушел.

Когда Кэт с мужем покинули спортзал, они увидели, что обстановка на палубе существенно изменилась. Уже не слышно было веселых голосов, никто не проявлял показной бодрости, тихими голосами мужья умоляли жен не падать духом и поскорее садиться в шлюпки без них. А если женщины отказывались, матросы подталкивали их туда. По левому борту все еще продолжалась посадка только женщин и детей, а на правом появилась надежда и у мужчин, особенно если они заявляли, что умеют грести. Некоторые пассажиры уже в открытую плакали, и повсюду слышались душераздирающие вопли прощания.

Большинство детей уже покинуло «Титаник», Кэт радовалась, что и ее дети тоже – правда, кроме Филипа, но он уплывет с ней. Краем глаза она заметила маленькую Лоррейн Эллисон, державшуюся за руку матери, и это напомнило ей об Алексис, которая благополучно уплыла с братьями и сестрами в шлюпке номер восемь. Миссис Эллисон, стоявшая с Лоррейн, все еще отказывалась ехать без мужа; своего младшего сына, Тревора, она отправила еще раньше – с няней.

Кэт смотрела, как разделялись семьи и жены с детьми уплывали, надеясь, что мужья позже тоже покинут пароход. Постепенно почти все шлюпки были спущены на воду, а на борту еще оставалось около двух тысяч человек без надежды на спасение. Они уже поняли

то, что капитан и хозяин «Уайт стар» знали с самого начала: спасательных шлюпок на всех не хватит. Кто же мог предположить, что «Титанику» придется воспользоваться спасательными шлюпками?

Капитан все еще стоял на мостике; Томас Эндрюс, директор-распорядитель фирмы, построившей огромный пароход, помогал размещать пассажиров, а Брюс Исмей, руководитель «Уайт стар», поплотнее запахнув пальто, занял место в одной из шлюпок, и никто не осмелился сказать ему хоть слово. Он спасался с другими счастливыми, оставив на верную гибель почти две тысячи душ на борту тонущего «Титаника».

– Кэт... – Берт Уинфилд смотрел на жену, пока опускалась следующая шлюпка, – плыви в этой...

Но она медленно покачала головой, твердо взглянув ему в глаза. Обычно она слушалась мужа, но теперь знала, что никакие его доводы ее не переубедят.

– Я не оставлю тебя, – мягко проговорила она, – я хочу, чтобы Филип ехал сейчас. Но я останусь здесь, с тобой. Мы уедем только вместе, когда сможем.

Кэт стояла, выпрямившись, и смотрела ему в глаза. Бертрам понимал, что спорить бесполезно. Она любит его, прожила с ним двадцать два года и не оставит его теперь в такой тяжелый час. Все дети, кроме Филипа, в безопасности, и Кэт не покинет мужа.

– А если не сможем?

С тех пор как дети уплыли, его страх немного поутих, и он смог произнести эти ужасные слова. Берт хотел одного: чтобы спаслись Кэт и Филип, и, если возможно, Чарльз. Сам он готов был к худшему – остались бы только живы его близкие. Берт Уинфилд готов был принести себя в жертву, но он не хотел, чтобы это сделала и его жена. Это несправедливо по отношению к ней и детям. Она нужна им, и Берт чувствовал, что надо торопиться. Тонком, не терпящим возражений, он произнес:

– Я не хочу, чтобы ты оставалась, Кэт.

– Я люблю тебя. – Этим она сказала все.

– И я тебя люблю.

Он обнял жену, вспоминая, как другие мужья просили матросов силой усаживать их жен в шлюпки. Но он не мог поступить так с Кэт, хотя и желал бы. Берт слишком ее любил, и они многое пережили вместе. Он уважал ее волю, хотя сейчас это могло стоить ей жизни. Для него очень много значило, что она готова умереть с ним вместе, ведь это было подтверждением ее страстной и преданной любви.

– Если ты останешься, я тоже, – твердо добавила она, и Берт прижал ее к себе, желая, чтобы она уехала, но не в силах заставить ее делать что-либо против воли. – Ты умрешь, и я с тобой.

– Нельзя, Кэт, я не позволю. Подумай о детях.

Она, конечно, подумала, но уже приняла решение. Она их любила всем сердцем, но мужа тоже любила и принадлежала ему. А Эдвина достаточно взрослая, чтобы позаботиться о братьях и сестрах, если она погибнет. Кроме того, в глубине души она надеялась, что опасность сильно преувеличили, их всех посадят в шлюпки или вскоре на помощь подоспеет какой-нибудь корабль и возьмет их на борт. Она попыталась убедить в этом Берта, но тот лишь покачал головой:

– Не думаю. Мне кажется, что на самом деле все гораздо хуже, чем нам говорят.

Так оно и было. Без двадцати два была выпущена последняя ракета и была заполнена последняя спасательная шлюпка, а внизу, в каюте, Алексис все играла со своей миссис Томас.

– Я думаю, ты чувствуешь ответственность за детей, – продолжал Берт, помолчав. – Ты просто должна уехать отсюда. – Он в последний раз попытался убедить Кэт, но она не желала его слушать.

– Берт Уинфилд, я не оставлю тебя. Ты это понимаешь? – Она сжала его руки и посмотрела ему в глаза долгим взглядом.

Миссис Страус, стоявшая поблизости, приняла такое же решение, но она была старше Кэт, и у нее не было маленьких детей. Но они были у миссис Эллисон, а она тоже решила остаться с мужем и маленькой дочкой и утонуть с ними, если пароход пойдет ко дну.

– А Филип? – Берт решил не спорить пока с Кэт, но все еще надеялся, что она передумает.

– Ты же собирался договориться, чтобы его взяли в шлюпку.

На шлюпочной палубе заполняли последнюю шлюпку, и оставалась еще одна, номер четыре, висящая за стеклянными перегородками на прогулочной палубе. Пока Лайтоллер был занят наверху, матросы открывали окна на прогулочной палубе, чтобы женщины смогли через них влезть в эту последнюю спасательную шлюпку, уходящую с «Титаника».

Берт подошел к Лайтоллеру и заговорил с ним. Кэт увидела, как второй помощник капитана решительно замотал головой, взглянув на Филипа, который стоял с Тейером и его отцом.

– Он категорически против: на корабле еще остались женщины и дети, – сказал, возвратившись, Берт.

Во втором классе сейчас усаживали в шлюпку нескольких детей, в первом их уже не было, за исключением малышки Лоррейн Эллисон, стоящей с куклой в руках рядом с мамой. Кэт посмотрела на нее и тут же отвернулась, будто увидев что-то слишком деликатное, слишком личное, чтобы на это смотрели посторонние.

Филип, Чарльз, Бертрам и Кэт обсуждали, как бы в обход Лайтоллера отправить мальчиков и, если возможно, спастись самим.

– Боюсь, нам придется немного подождать, – спокойно сказал Чарльз. Он до конца оставался джентльменом, не теряя хороших манер и не выказывая паники. – Но я думаю, что вам, миссис Уинфилд, следует все же поехать сейчас. Не нужно медлить. – Он тепло улыбнулся ей и снова отметил, как же они похожи с Эдвиной! – С нами будет все в порядке, но вам удобнее ехать теперь, а не толкаться потом с нами. Вы же знаете, какие бывают ужасные люди. На вашем месте я бы попробовал забрать и нашего юного друга.

Но как?! Один мальчик такого же возраста, как Филип, попытался сесть в шлюпку, переодевшись в женское платье, так ему даже пригрозили оружием, хотя в конце концов решили оставить в шлюпке, потому что не было времени возиться с ним.

Паника нарастала, и Берту не хотелось снова идти к Лайтоллеру – тот не пожелает и слушать его. Между тем на правом борту места в шлюпке уже занимали все желающие. Но пароход был слишком велик, и Уинфилды не могли знать, что творится на другой его стороне. Кэт продолжала упорствовать, что останется с Бертом, Филип опять отошел к Джеку Тейеру. Чарльз присел на стул и закурил. Ему было недосуг вмешиваться в споры Уинфилдов, он сидел, с тоской думая об Эвдине. У него больше не осталось надежды вырваться отсюда.

Каюты были пусты, матросы их все проверили. Вода уже поднялась до палубы С. Алексис играла с куклой, прислушиваясь к звукам музыки. Она то и дело слышала шаги, когда кто-нибудь из команды пробегал мимо или кто-то пробирался из второго класса к шлюпкам первого. Ей уже надоело играть одной, и она соскучилась по мамочке. Но девочке по-прежнему не хотелось садиться в шлюпку, хотя она знала, что ей попадет от родителей. Ее всегда бранили, когда она убегала, особенно доставалось от Эдвины.

Она услышала тяжелые шаги и посмотрела, кто это, решив, что пришел папа или, может, Филип. Но в дверях стоял мужчина, с ужасом глядевший на нее. Это был стюард, который последним покидал палубу и точно знал, что все каюты на палубе Б давно пусты. Однако он решил проверить еще раз и обомлел, увидев малышку с куклой.

– Эй!.. – Стюард шагнул к Алексис, а она стрелой вылетела в соседнюю каюту, захлопнув дверь. Но стюард был проворнее, чем она. – Минутку, юная леди, что вы тут делаете? – Он удивлялся, как эта девочка очутилась здесь, да еще совсем одна? Это было очень странно, и ему хотелось поскорее отнести ее к спасательной шлюпке. – Давай-ка уйдем отсюда... – Но на Алексис не было ни пальто, ни шапки. Она сбросила их, когда играла с миссис Томас.

– Я не хочу! – Она заплакала, и рослый сильный стюард, взяв ее на руки, завернул вместе с куклой в одеяло. – Я буду здесь!.. Я хочу к маме!

– Мы отыщем твою маму, малютка. Но нам нельзя терять время.

Он понесся наверх и почти уже добежал до прогулочной палубы, когда кто-то из команды окликнул его:

– Эй, уже последняя шлюпка ушла. Больше ничего не осталось. И прогулочную загрузили минуту назад. Давай, парень, торопись.

Стюард с Алексис на руках выбежал на палубу, когда Лайтоллер приготовился спускать шлюпку, висящую за раскрытыми окнами.

– Стой! – заорал стюард. – Еще одна!

Алексис визжала, вырывалась и звала маму.

– Вот еще ребенок!

Второй помощник взглянул через плечо, но было слишком поздно. Шлюпка уже висела внизу, заполненная последними женщинами, желающими покинуть корабль; среди них были миссис Астор и мать Джека Тейера. Джон Джекоб Астор спросил Лайтоллера, нельзя ли поехать и ему, поскольку жена в «интересном положении», но Лайтоллер остался непреклонен, и Мадлен Астор поехала с горничной, а не с мужем.

Стюард глянул вниз на шлюпку. Поднять ее обратно невозможно, но нельзя было оставлять девочку здесь на верную гибель. Он секунду колебался, потом поцеловал Алексис в лобик, как будто это была его собственная дочь, и бросил ее через окно вниз, моля бога, чтобы кто-нибудь ее подхватил, а если нет, то чтобы она не сильно покалечилась. Уже было много случаев растяжений и переломов, когда люди втискивались в шлюпки.

Но один из матросов, сидевших на веслах, вскочил и подхватил Алексис на лету. Она рыдала, лежала в одеяле, а всего одной палубой выше ее ни о чем не подозревающая мать стояла и тихо разговаривала с мужем.

Стюард проследил, как Алексис благополучно усадили рядом с женщиной с ребенком. Алексис в оцепенении сидела, прижимая куклу, и думала, увидит ли она когда-нибудь свою маму? Она чувствовала, что случилось что-то ужасное, и снова начала плакать, когда матросы и женщины стали грести и шлюпка закачалась, медленно отдаляясь от гигантского парохода. Так в 1.55 «Титаник» покинула последняя спасательная шлюпка.

В 2.00 Лайтоллер сражался с четырьмя складными шлюпками, три из которых никак не расчехлялись. Но вот наконец их освободили, и ни у кого не было сомнений, что это последний шанс покинуть корабль, да и то сомнительный. Команда собралась в кружок около шлюпок, чтобы пропускать только женщин и детей.

В последний момент Берт наконец убедил Лайтоллера взять в шлюпку Филипа. Они с Кэт смотрели, как шлюпка, в которой сидел Филип, кое-как спустившись, поплыла за остальными. После этого спасательные работы были закончены. Надеяться больше было не на что, спастись уже невозможно. Все, кто остался на борту, должны были погибнуть вместе с кораблем. Берт никак не мог поверить, что Кэт не покинула «Титаник» с Филипом. Он пытался втолкнуть ее в шлюпку, но она намертво вцепилась в его руку. И теперь, в последние минуты, она стояла, тесно к нему прижавшись.

Мимо рука об руку медленно прошла супружеская чета Страусов. На палубе стоял со своим слугой Бенджамин Гаггенхейм в вечернем костюме. Кэт и Берт, держась за руки, цело-

вались и тихо разговаривали о каких-то пустяках, вспоминали о том, как они встретились... о свадьбе и о детях.

– Сегодня день рождения Алексис, – тихо сказала Кэт, глядя на Берта и вспоминая тот солнечный воскресный день шесть лет назад, когда на свет появилась их златовласая дочурка.

Кто бы мог подумать тогда, что произойдет эта трагедия? Какое все-таки облегчение, что дети будут жить и о них будет заботиться старшая сестра. Да, облегчение, но Кэт больно было думать, что она никогда их больше не увидит, и Берт тоже едва сдерживал слезы.

– Тебе надо было поехать с ними, Кэт. Ты им так нужна.

Он был в отчаянии. Если бы только они поплыли на другом пароходе... если бы «Титаник» не налетел на айсберг... если бы... если бы... если бы...

– Я не смогла бы жить без тебя, Берт. – Она прижалась к мужу, и он жадно целовал ее.

С накренившегося и быстро оседавшего в воду корабля уже начинали прыгать люди. Чарльз тоже прыгнул за борт. Шлюпочная палуба была всего в десяти футах над водой, и некоторые благополучно добрались до спасательных шлюпок.

Но Берт знал, что Кэт не умеет плавать, и прыгать в ледяную воду не имело смысла. Им, конечно, придется это сделать, но в самый последний момент. Они все еще надеялись, что, может быть, произойдет какое-нибудь чудо и им удастся спастись.

Пока они разговаривали, палуба накренилась еще сильнее. Джек Тейер прыгнул вслед за Чарльзом и чудом добрался до складной шлюпки, в которой находился Филип. Шлюпка была перегружена и набрала воды.

Прямо над Филипом его родители стояли, обнявшись, когда вода устремилась на палубу. Кэт вскрикнула, задохнувшись от жутко холодной воды. Берт поддерживал ее, сколько мог, но их быстро тянуло вниз.

– Я люблю тебя, – были последние слова Кэт, она улыбнулась ему, и вода сомкнулась над ней.

Через мгновение Берта ударило упавшим «вороньим гнездом»¹, а образовавшаяся рядом воронка безжалостно затянула Чарльза.

Радиорубка была затоплена, мостик тоже, и только одна из складных шлюпок болталась на поверхности, как плотик на летнем пляже. Сотни людей бросались в воду, пока огромный корабль погружался в океан.

Долго еще звучал регтайм, и последнее, что слышали люди, были мрачные аккорды, которые ветер донес до спасательных шлюпок с женщинами и детьми, с мужчинами, которым посчастливилось сесть в шлюпки на правом борту, вдалеке от неумолимого Лайтоллера. Гимн, казалось, завис куском льда в неподвижном ночном воздухе, и мелодия эта будет преследовать их всех до конца дней.

Сидящие в шлюпках видели, как нос «Титаника» быстро погружался в воду и высоко задравшаяся корма смотрела в небо, словно гигантская черная гора. Еще какое-то время мерцали огни, а потом и они исчезли в страшной темноте. Вода с ревом сметала все на своем пути, грохот смешался с криками боли, когда передняя труба отломилась и с оглушительным шумом упала в воду, разбросав снопы брызг.

Когда Эдвина увидела в воздухе контуры трех огромных винтов, расположенных на корме, раздался страшный треск, будто корабль разрывался на части. Многие потом решили, что пароход в самом деле разломался пополам, но им объяснили, что такое невозможно.

Наблюдая эту жуткую картину, Эдвина с тоской думала, что ничего не знает о Чарльзе, Филипе, родителях, Алексис. Спаслись они или нет? Она сжала руку Джорджа, на этот раз

---

¹ Устройство для наблюдений с самой высокой точки корабля. (Здесь и далее прим. пер.)

он ничего не мог сказать и опустил глаза. Они оба плакали в шлюпке номер восемь, глядя на крушение «непотопляемого» корабля «Титаник».

Огромный лайнер быстро оседал в воду, наконец и корма его исчезла. Все. 15 апреля 1912 года в 2.20 ночи «Титаник» затонул. Через два с половиной часа после того, как напоролся на айсберг.

Эдвина, прижимая к себе Тедди и Фанни, молилась за своих родных.

Глава 4

В 1.50 «Карпатия» получила последнюю радиограмму с «Титаника». К тому времени было затоплено машинное отделение, но больше ничего известно не было. «Карпатия» на всех парах устремилась к «Титанику», ее капитан опасался, что произошло что-то серьезное, но, конечно, он не мог предположить, что «Титаник» затонет прежде, чем они подплывут.

В 4.00 утра они были на месте, и капитан Рострон оглядел океан, не веря своим глазам: «Титаника» нигде не было видно, он исчез.

«Карпатия» двигалась осторожно, команда недоумевала: где же гигантский лайнер?

Через десять минут они заметили на горизонте зеленые сигнальные ракеты – наверное, с «Титаника». Но через секунду Рострон и команда поняли, что это. Ракеты выпустили из спасательной шлюпки номер два, и вовсе не у линии горизонта, а совсем рядом. И пока «Карпатия» медленно подплывала к шлюпке, Рострон уже точно знал, что случилось с «Титаником».

Первой из спасенных пассажиров на борт «Карпатии» поднялась мисс Элизабет Аллен. Все пассажиры парохода высыпали на палубу и столпились у поручней. Они уже ночью, почувствовав, что «Карпатия» сменила курс, и увидев суету матросов, поняли: что-то произошло. Вначале все встревожились, решив, что их корабль в беде, но потом от экипажа удалось узнать обрывочные сведения... «Титаник» тонет... налетел на айсберг... непотопляемый пароход в опасности... идет ко дну...

Теперь, на четыре мили вокруг, океан был усеян спасательными шлюпками. На некоторых из них люди кричали, махали руками, на других стояла гнетущая тишина, и потрясенные, искаженные страданием лица смотрели вверх. Потерпевшие не могли передать словами, что пережили, перечувствовали, когда гигантская корма какое-то время возвышалась горой над океаном, а потом резко ушла под воду, увлекая за собой навсегда их мужей, братьев, друзей.

Увидев, что «Карпатия» приближается к ним, Эдвина отдала Джорджу малыша и посадила рядом Фанни. У Джорджа совсем заоченели руки, он не мог больше грести, поэтому Эдвина, в перчатках Чарльза, села на весла рядом с графиней Ротс, которая гребла без передышки все это время. Джордж тоже работал без устали, пока Эдвина держала Тедди и успокаивала Фанни, которая не переставая плакала, звала маму и спрашивала, где же Алексис. Эдвина уверяла Фанни, что они очень скоро всех разыщут. Она надеялась, что мама все-таки нашла Алексис, несмотря на то что Эдвина ввела ее в заблуждение. Эдвина вновь и вновь пыталась внушить себе, что ее родители и Чарльз находятся сейчас где-то поблизости в другой шлюпке. Она должна верить в это.

Пока «Карпатия» подплывала, люди в шлюпках окликали друг друга, надеясь найти родных и друзей. Несколько шлюпок были вскоре подняты наверх, хотя шлюпка номер восемь и многие другие все еще продолжали плыть, медленно передвигаясь в испещренной льдинами воде.

Наконец, в семь утра, настала и их очередь, они подплыли к трапу, и на «Карпатии» приготовились к подъему. В шлюпке номер восемь было более двадцати женщин и детей и четыре моряка. Матрос Джонс, сидевший на веслах, крикнул команде, что в шлюпке много совсем маленьких детей. Тогда с «Карпатии» спустили мешок, в котором обычно поднимали почту, и Эдвина дрожащими руками помогла Джонсу посадить туда сопротивляющуюся Фанни.

– Все в порядке, солнышко. Мы сейчас поднимемся на большой пароход и будем искать папу с мамой.

Эдвина больше говорила это для себя, чем для малышки. Когда она подумала о том, что они пережили, и увидела маленькую темную головку, высывающуюся из мешка, слезы показались у нее на глазах. Она почувствовала, как Джордж сжал ей руку, и, не глядя на брата, ответила ему рукопожатием. Эдвина постаралась удержать слезы и не зарыдать. Ей нельзя позволять себе такую роскошь – давать волю своим чувствам. Пока она не убедится, что остальные члены их семьи спасены, ей нужно заботиться о Фанни, Тедди и Джордже и только об этом сейчас нужно думать.

На ней все еще были надеты тяжелые ботинки и бледно-голубое вечернее платье под теплым пальто, которое ей велела надеть мама. У Эдвины ужасно замерзла голова, и в ней, казалось, стучали тысячи молоточков, а руки будто превратились в куски мрамора.

Когда снова спустили мешок, она с помощью стюарда Хэрта посадила в него Тедди. Малыш так замерз, что личико у него посинело. Эдвина всю ночь боялась, как бы он не простудился до смерти. Она все делала, чтобы его согреть: прижимала малыша к себе, растирала ему ножки, ручки и щеки, сажала его между собой и Джорджем, пытаясь укрыть от ветра, но холод был слишком сильным.

Эдвина почувствовала, что у нее нет сил держаться за перекладину. Она сначала посадила на лестницу Джорджа, и он казался маленьким ребенком, пока его поднимали на палубу. Ее брат стал таким покладистым, каким раньше она его никогда не видела. Потом и ей спустили лестницу, и стюард Хэрт помог Эдвине встать. Она хотела было закрыть глаза при подъеме, но потом огляделась и увидела в розовом свете зари множество шлюпок.

Море было вокруг усеяно многочисленными льдинами, шлюпки, переполненные людьми, жаждущими скорее подняться на борт, ожидали своей очереди. Ей оставалось только надеяться, что ее родители там, среди спасшихся. Она не могла об этом думать спокойно, и уже на палубе «Карпатии» ее глаза опять наполнились слезами.

– Ваше имя? – участливо спросила какая-то женщина и сказала Эдвине несколько ободряющих слов, пока матрос закутывал ее в плед.

Спасенных с «Титаника» пассажиров ожидали чай, кофе и бренди, а также судовой врач с помощниками. Для тех, кто не мог идти, на палубу принесли носилки; кто-то уже сходил за горячим шоколадом для Джорджа. Нигде не было видно ни мамы, ни отца... ни Филипа... ни Алексис... ни Чарльза... Эдвина не могла даже говорить – так она измучилась.

– Эдвина Уинфилд, – все же вымолвила она, глядя, как другие спасенные поднимались на палубу. Еще оставалось много шлюпок, и она молилась, чтобы родители оказались в одной из них.

– А ваших детей, миссис Уинфилд?

– Моих... я... о... – Она наконец поняла, что ее приняли за мать семейства, и пояснила: – Это мои братья и сестра, Джордж Уинфилд, Фрэнсис и Теодор.

– Вы путешествовали в сопровождении других родственников?

Кто-то протянул ей кружку с дымящимся чаем; Эдвина чувствовала, как десятки глаз смотрят на нее с сочувствием, с жалостью, с состраданием. Она обхватила кружку руками, чтобы согреть их, и ответила:

– Я... я путешествовала с родителями, мистером и миссис Бертрам Уинфилд из Сан-Франциско, братом Филипом и сестрой Алексис. И с моим женихом, мистером Чарльзом Фицджеральдом.

– Вы что-нибудь знаете о том, где они? – сочувственно спросила горничная, провожая Эдвину в главный обеденный салон «Карпатии», превращенный теперь в место отдыха и оказания медицинской помощи для пассажиров с «Титаника».

– Нет, не знаю... – Эдвина сквозь слезы посмотрела на нее. – Я думаю, они должны быть в какой-то из шлюпок. Мама искала мою младшую сестренку... и... я думала... в нашей

шлюпке была маленькая девочка, и я сперва решила... – Она не могла продолжать, и горничная, сама чуть не плача, ласково похлопывала ее по плечу и не торопила с рассказом.

В салоне уже находилось много женщин, некоторых рвало, многие плакали от холода и боли в израненных о весла руках. Дети сбились все в одну кучку, глядя испуганными глазами на своих матерей и тихо плача.

– Вы сможете мне отыскать их?

Эдвина увидела Джорджа, который выглядел молодцом. За Тедди присматривала медсестра, он еще не отошел от холода, но его кожа уже приобрела нормальный оттенок, а Фанни, не переставая плакать, цеплялась за Эдвину.

– Я хочу к маме, – тихонько захныкала она, когда горничная отошла поговорить с другими спасенными пассажирами, пообещав вернуться, если ей удастся что-нибудь узнать об остальных Уинфилдах.

Шлюпку за шлюпкой поднимали на борт. Людей из складной шлюпки В спасли пассажиры шлюпки номер двенадцать. Джека Тейера тоже вытащили из перевернувшейся шлюпки, которая быстро тонула, но он был слишком измучен, чтобы реагировать на происходящее. Его мать находилась совсем недалеко от него, но ни он ее не увидел, ни она его. Все слишком устали, замерзли и думали только о собственном спасении.

Эдвина оставила детей, которых поили горячим шоколадом, под присмотром Джорджа, и вышла на палубу наблюдать за действиями спасателей. Там было много женщин с «Титаника», и среди них Мадлен Астор. Она не слишком надеялась, что ее мужу удалось выбраться с парохода, но стояла и смотрела на прибывающие шлюпки, потому что не могла примириться с мыслью, что потеряла его навсегда.

Так и Эдвина молила бога дать ей увидеть наконец хоть одно родное лицо. Она стояла на возвышении, глядя на поднимающихся по веревочной лестнице мужчин и женщин, на детей, передаваемых снизу в почтовых мешках. Многие мужчины так устали и замерзли, что едва могли держаться за лестницу.

Что больше всего поражало Эдвину, это сверхъестественная тишина. Никто не издавал ни звука. Все были слишком потрясены случившимся, перепуганы и слишком замерзли. Даже дети почти не плакали, за исключением криков голодных младенцев.

В салоне «Карпатии» находилось несколько неопознанных детей, ожидающих своих мам. Одна женщина из шлюпки номер двенадцать рассказала, что ей с палубы бросили ребенка, она даже не знает, кто это сделал, и думает, что это, возможно, какая-нибудь отчаявшаяся пассажирка из третьего класса проникла к шлюпкам и решилась на этот безумный шаг, чтобы спасти свое дитя. Ребенок находился в салоне вместе с остальными детьми, пока не найденный своими родственниками.

Обеденный салон являл собою зрелище одновременно трогательное и печальное. Женщины сидели группами, многие из них плакали, думая о своих погибших мужьях. Возле них хлопотали горничные, медсестры и доктора. В салоне находилась и горстка мужчин, но очень небольшая благодаря стараниям второго помощника Лайтоллера, который не позволил большинству из них занять места в шлюпках. Все же, вопреки его воле, несколько человек спаслись благодаря собственной находчивости и менее строгим правилам на правом борту.

Многие пассажиры утонули, пытаясь забраться в шлюпки, но большинство из прыгнувших с парохода мужчин были оставлены за бортом теми, кто не желал поднимать их в шлюпку из страха, что она перевернется. Сидящие в салоне «Карпатии» спасшиеся пассажиры заново переживали все случившееся с ними.

Эдвина увидела входящего Джека Тейера, и через секунду послышался радостный крик узнавшей его матери. Она с плачем бросилась к сыну, и потом Эдвина услышала, как она спрашивает Джека:

– Где папа?

Джек заметил Эдвину и кивнул ей, она подошла ближе, боясь услышать его слова и все же надеясь на хорошие вести, но он печально покачал головой.

– Кто-нибудь из моих был с вами в шлюпке?

– Боюсь, что нет, мисс Уинфилд. Ваш брат был сначала, но сорвался, когда ударила большая волна, и я не знаю, подобрала ли его другая шлюпка. Мистер Фицджеральд прыгнул вместе со мной, но я с тех пор его не видел. – Он не стал говорить Эдвине, что у него сложилось впечатление, будто родители ее решили остаться и погибнуть вместе с парохом. – Мне очень жаль, но я не знаю, что с ними случилось. – Джек поперхнулся, отхлебнув из стакана бренди. – Мне очень жаль.

Эдвина кивнула, слезы текли по ее щекам.

– Спасибо.

Это не могло быть правдой, она не хотела в это верить. Ей хотелось, чтобы он сказал, что все живы и сидят в соседней каюте. А не то, что они утонули или он не знает, где они. Они не погибли, ни Филип, ни Чарльз, ни Алексис, ни родители. Не может этого быть, она не вынесет такого горя.

К Эдвине подошла медсестра: врач хочет поговорить с ней насчет Тедди. Когда она увидела Тедди, он неподвижно лежал, завернутый в одеяло. У него были холодные ручки, и его бил озноб. Эдвина взяла братика на руки. Доктор сказал, что следующие несколько часов будут критическими.

– Нет! – громко крикнула она, дрожа еще сильнее, чем малыш. – Нет! С ним все хорошо... все в порядке!.. С ним ничего не должно случиться, не теперь, нет! Я этого не перенесу!

Как все было удивительно хорошо, они так любили друг друга, и вдруг все исчезли, или почти все, да еще доктор говорит, что Тедди может не перенести переохлаждения. Она прижала маленького брата, пытаясь передать ему свое тепло, и попробовала заставить его проглотить хоть ложечку горячего бульона. Но он только качал головой и цеплялся за Эдвину.

– Он поправится? – Джордж широко открытыми глазами смотрел на Эдвину, и слезы опять побежали по ее щекам. Джордж тоже заплакал, видимо осознав наконец все, что пережил за последние часы. – Поправится, Эдвина, да, правда ведь?

– О боже... я надеюсь... – Она посмотрела на Джорджа и прижала его к себе.

– Когда придет мама? – требовательно спросила Фанни, все еще закутанная в одеяло.

– Скоро, моя хорошая, скоро... – Эдвина запнулась на этих словах, глядя, как потрясенные испытаниями люди продолжают прибывать в большой салон «Карпатии».

И тогда, стараясь не думать о тех, кого не было рядом, она прижала маленького братца к груди, тихо оплакивая своих родных.

Глава 5

У него так заledenели руки, что Филип с трудом держался за перекладину лестницы, но подниматься на веревочных качелях, как какая-нибудь девчонка, он отказался. Со складной шлюпки его, полумертвого от усталости и холода, подобрала шлюпка номер двенадцать, и теперь он чувствовал радостное возбуждение: ведь он спасен. Их шлюпку подобрали последней, в 8.30 утра.

Он поднялся по трапу и на палубе «Карпатии» расплакался, не в силах поверить в то, что с ними произошло. Но он здесь, в безопасности, правда, один, без родителей, братьев и сестер, и теперь он молил бога, чтобы они тоже оказались на «Карпатии». Еле переступая непослушными замерзшими ногами, он медленно прошел в салон и увидел множество незнакомых лиц. Погибло более полутора тысяч человек, а спаслось всего семьсот пять, но сейчас Филипу показалось, что их тысячи и тысячи.

Он не знал, где искать родных, и прошел час, прежде чем он столкнулся с Джеком Тейером.

– Слушай, приятель, ты видел кого-нибудь из моих? – Филип выглядел просто ужасно: мокрые взъерошенные волосы, потрескавшаяся от ледяного ветра и морской воды кожа на лице, блуждающий взгляд...

Трагедия, произошедшая с пассажирами «Титаника», явилась для всех полной неожиданностью. Кругом сидели полуодетые люди, завернутые в одеяла, – кто-то в вечерних туалетах, кто-то в пижамах. Даже теперь они не пытались переодеться; им вообще не хотелось ни идти куда-то, ни что-либо говорить. Единственным их желанием было скорее найти своих близких, и они в отчаянии оглядывались вокруг в поисках родного лица.

Джек Тейер рассеянно кивнул – он все еще искал своего отца.

– Твоя сестра где-то здесь. Я ее видел недавно. – Потом он печально улыбнулся. – Я рад, что ты спасся.

Они обнялись и долго так стояли. Их душили слезы, хотя теперь они были спасены, находились на палубе «Карпатии» и кошмар наконец кончился или почти кончился.

Когда они разомкнули объятия, Филип опять испугался: а вдруг он больше никого не найдет?

– Кто-нибудь еще был с ней?

– Не знаю... – неуверенно протянул Джек. – Мне кажется, какой-то малыш...

Тедди, должно быть... а другие? Филип опять нырнул в толпу, надеясь отыскать сестру. Наконец в другом конце салона он узнал ее затылок, темные волосы, худые плечи. Рядом, опустив голову, стоял Джордж. Филип зарыдал, продираясь сквозь толпу к Эдвине. Подойдя, он, не говоря ни слова, развернул ее к себе, заключил в объятия, и она вздохнула, потом всхлипнула и заплакала.

– О боже!.. О Филип... О Филип... – только и могла вымолвить Эдвина.

Она не осмеливалась спросить про остальных. Всюду вокруг них были люди, и большинство из них, потеряв в ледяной пучине своих близких, безутешно оплакивали их.

Прошло немало времени, прежде чем Филип смог произнести:

– Кто из детей с тобой? – Он уже видел Джорджа, теперь заметил и Фанни, укутанную в одеяло, и Тедди, лежащего в импровизированной колыбельке из полотенец. – Что с Тедди? – спросил Филип у Эдвины.

Ее глаза наполнились слезами, и она только горестно покачала головой. Тедди был еще жив, но у него совсем посинели губы, стали почти черными.

Филип снял свою куртку и накрыл Тедди, а потом крепко сжал руку Эдвины. По крайней мере их здесь пятеро. В тот день они больше никого из родных не нашли.

Тедди положили на ночь в лазарет, где за ним могли присматривать доктора; Фанни тоже спала там, потому что отморозила себе два пальца. Джордж уснул на раскладушке в коридоре. Эдвина и Филип стояли поздним вечером на палубе, безмолвно глядя на море. Они не могли спать. Эдвине хотелось бы никогда больше не спать, не видеть снов, не вспоминать те жуткие минуты. Сейчас во все это еще невозможно поверить. Она убеждала себя, что завтра, когда проснется, она увидит родителей, тихо разговаривающих в каком-нибудь уголке, а рядом с ними Чарльза.

Страшно было подумать, что они не спаслись, погибли... и Алексис... и Чарльз... и не будет их свадьбы в августе. Нет, это понять невозможно. Материя на платье утонула и... Интересно, а мама держала Алексис за руку... это было страшно... или быстро... или больно? Какие ужасные мысли! Филипу об этом не скажешь, и они стояли рядышком, погруженные каждый в свои думы.

Эдвина весь день провела около Фанни и Тедди, а Филип присматривал за Джорджем, но все это время они ждали. Ждали тех, кто никогда больше не придет, тех, кого они так любили.

«Карпатия» закончила поиски спасшихся с затонувшего лайнера и собиралась брать курс на Нью-Йорк. Надежды на спасение еще кого-нибудь из пассажиров или экипажа «Титаника» больше не было.

– Филип? – мягко и грустно прозвучал в темноте ее голос.

– М-м? – Он посмотрел на сестру, и она удивилась, как повзрослел ее брат. За эту бесконечную кошмарную ночь он прожил целую жизнь.

– Что нам теперь делать? – Как же жить дальше, без родителей? Как страшно думать об этом. Теперь она старшая в семье и отвечает за всех. – Надо ехать домой... – тихо сказала Эдвина.

В Нью-Йорке надо будет показать врачу Тедди... если он выживет. Ей сказали, что эта ночь будет для малыша решающей. Эдвина знала, что не перенесет еще одной потери. Они не могут дать Тедди умереть, просто не могут. Только об этом она сейчас и думала. Спасти Тедди, последнего маминого ребенка.

Держа его на руках и прислушиваясь к слабому прерывистому дыханию, Эдвина гнала прочь дикие мысли о малышах, которых у нее самой никогда уже не будет... детях Чарльза... Все ее мечты погибли вместе с ним. Слезы лились по ее щекам, и плечи сотрясались от беззвучных рыданий.

Филип лег в коридоре, рядом с Джорджем, но ночью зашел проведать Эдвину. Он выглядел усталым и подавленным. Он думал, пытались ли его родители прыгнуть с парохода и что было потом. Может, они доплыли до шлюпок, а их не захотели подобрать и они погибли в ледяной воде? Ведь так оставили умирать сотни людей. Никто даже не попытался поднять их в шлюпку, и они плыли, пока хватало сил, а потом тонули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.